

**К ИЗУЧЕНИЮ ДИНАМИКИ
ЗАСЕЛЕНИЯ ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ
В КОНЦЕ I — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II тыс. н. э.
(по материалам комплексов бассейна
р. Туры)**

В рассматриваемой работе предпринята попытка оценки историко-культурных процессов, происходивших на территории подтаежного Притоболья в конце I — первой половине II тыс. н. э. на основании материалов семи городищ и одного могильника, приуроченных к среднему и нижнему течению р. Туры, делается вывод о характере заселения региона. Время появления самых ранних памятников юдинской культуры приходится на IX в. (возможно, конец VIII в.), когда в результате миграций на юг начинают продвигаться носители нижнеобской традиции, ставшие ключевым компонентом в сложении юдинской культуры. Позже, в XI–XIII вв., число памятников юдинской культуры возрастает, а район бассейна р. Туры становится ядром расселения носителей данной традиции. Последний этап приходится на вторую половину XIII — XIV в., когда пограничье подтаежной и лесостепной зон становится ойкуменой расселения представителей макушинского типа, использовавших крепости лесной зоны повторно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Зауралье, Притоболье, лесная зона, эпоха Средневековья, юдинская культура, макушинский тип памятников.

The article evaluates the historical and cultural processes in the subtaiga zone of Tobol basin at the end of the 1st–first half of the 2nd millennium AD. The dynamics of the settlement of the region is investigated based on materials from seven settlements and one burial ground, confined to the Middle and Lower reaches of the Tura River. The earliest archaeological sites of the Yudino culture appeared in the end of the 8th–9th century AD. At this time, the bearers of the Nizhneobskaya culture's tradition migrated to the south and participated in the formation of the Yudino culture. In

the 11th–13th centuries AD, the number of monuments of the Yudino culture increased, and the area of the Tura river basin became the center of the settlement of the bearers of this tradition. In the 13th–14th centuries, the border zone of the subtaiga and forest-steppe became an oikumene of settlement of the Makushinsky type population, who reused the fortresses of the forest zone.

KEY WORDS: Trans-Urals, Tobol river basin, taiga zone, Middle Ages era, Yudin archaeological culture, Makusha type of archaeological sites.

В конце I тыс. н. э. лесная полоса Зауралья стала зоной расселения носителей новых традиций, что было связано с очередным витком миграций таежного населения на юг на всей территории Западно-Сибирской равнины. Эти новые традиции нашли отражение в материальной культуре, погребальном обряде, хозяйственном типе и оборонительном зодчестве. Последнее ярко прослежено по материалам памятников подтаежного Притоболья, где в это время резко возрастает число хорошо укрепленных крепостей малой площади (округлой и подкововидной форм), неизвестных в регионе ранее. Несмотря на результаты исследований целой серии таких городищ, проведенных за последние 70 лет, по-прежнему остро стоит вопрос определения времени появления и длительности существования данных поселений, а также оценки статуса этих крепостей в единой поселенческой структуре.

Впервые попытка решения данных вопросов была предпринята в 60-е гг. XX в., когда на территории горно-лесного и лесного Зауралья работал коллектив Туринского отряда Уральской археологической экспедиции под руководством В. Д. Викторовой, которой было проведено сплошное исследование территорий среднего и нижнего течений рр. Тавды и Туры. В результате были открыты сотни археологических памятников различных эпох, в том числе часть из них средневековые, ставшие впоследствии опорными.

Значительное пополнение источниковой базы позволило В. Д. Викторовой построить оригинальную локальную периодизацию для лесной зоны Зауралья [Викторова, 1969]. Так, основываясь на раскопках ряда городищ и могильников, а также анализе формы посуды и ее орнамента, исследователь предположила, что в рамках IV–V вв. на территории Среднего Зауралья сосуществовало несколько традиций, а именно — прыговская, туманская и батырская. В памятниках второй половины I тыс. н. э. В. Д. Викторова видит развитие батырских комплексов. Данные памятники были отнесены к молчановскому типу. Более обстоятельно автором охарактеризована материальная и духовная культура населения лесного Зауралья X–XIII вв., к которым исследователь отнесла 26 комплексов. В результате памятники этого времени были объединены в юдинскую культуру [Викторова, 1968, с. 252], а комплексы XII–XIV вв. — в памятники макушинского типа [Там же, с. 248].

В начале 2010-х гг. к исследованию памятников Средневековья присоединилась экспедиция Тюменского государственного института культуры под руководством А. В. Гордиенко. В период с 2009 по 2017 г. раскопкам подверглись городища Пламя Сибири-6 и -7 [Гордиенко, 2016], Андреевское-4 [Гордиенко, 2015], Дуванское-28 [Гордиенко, Иванова, 2016], Боровиковское I [Гордиенко, 2019a], Красный Яр [Гордиенко, Приходько, 2017] и др. А. В. Гордиенко, присоединяясь к обсуждению темы заселения лесного региона Зауралья в эпоху Средневековья, развивает мысль о существовании в среднем и нижнем течениях рр. Тавды и Туры, отдельной молчановской (в ранних работах молчановско-андрюшинской) культуры VI–IX вв. [Гордиенко, 2013a, с. 35; Гордиенко, 2016, с. 88] и синхронной ей батырской культуры [Гордиенко, Приходько, 2017; Гордиенко, 2019a]. К ним помимо исследованных рекогносцировочно объектов он относит и надежно датированные в рамках IX–XIII вв. городища Барсучье и Черепаниха-2, а также святилище Песьянка-1. Не углубляясь в вопросы генезиса этих культур, автор отмечает, что данные традиции сложились в подтаежной зоне Притоболья на многокомпонентной основе [Гордиенко, 2013a, с. 33; Гордиенко, 2016, с. 88], чем объясняется разнообразие орнаментальных схем керамического комплекса изученных им памятников. Но примечательно, что основной массив датирующего инвентаря IX–XII вв. из культурных слоев таких городищ, как Пламя Сибири-6 и -7, он связывает со святилищами, функционировавшими на их площади в развитом Средневековье в юдинское время [Гордиенко, 2013б, с. 124; Гордиенко, Черниева, 2017, рис. 1, I–II], а датирующий инвентарь XI–XIII вв. с городища Боровиковское I не был опубликован и никак не обсуждается в работах.

В основу периодизации А. В. Гордиенко легли юдинские памятники лесной зоны Притоболья, однако их датировка значительно удревлена ввиду того, что исследователь ставил задачу построения последовательной линии развития материальной культуры от раннего к развитому Средневековью. Кроме того, стоит отметить, что им полностью проигнорированы методы абсолютного датирования, это делает выводы относительно хронологии и, следовательно, культурной атрибуции исследованных комплексов неоправданными.

С целью детализации хронологии и культурной принадлежности выявленных памятников лесной зоны Зауралья экспедицией Тюменского государственного университета в полевых сезонах 2020–2023 гг. на территории Тюменской и Свердловской областей в бассейне р. Туры и ее притоках была проведена серия профильных разведочных работ, нацеленных на изучение археологических комплексов конца I — первой половины II тыс. н. э. В результате были обследованы семь городищ и один могильник юдинской археологической культуры. Вместе с тем были привлечены коллекции, хранящиеся в фондах Свердловского областного краеведческого музея имени О. Е. Клера, Слободо-Туринского районного историко-краеведческого музея, Тюменского музейно-просветительского объединения имени И. Я. Словцова и Тюменского государственного института культуры.

ИСТОЧНИКИ

Юдинское городище расположено в Ирбитском районе Свердловской области на незатопляемой береговой террасе у старичного озера, бывшего русла р. Ницы (рис. 1, 1). Городище открыто и исследовано в 1960, 1962 гг. Уральской археологической экспедицией Уральского государственного университета под руководством В. Д. Викторовой [1969], которой удалось выделить на памятнике три периода, два из них соотнесены с развитым Средневековьем: юдинская культура (см. рис. 3) и макушинский тип памятников (см. рис. 4), а еще один — с кашинской культурой раннего железного века. В последующем данный комплекс стал эпонимным для юдинской культуры [Викторова, 1968]. В 2023 г. памятник был повторно осмотрен автором, в результате чего снят уточняющий инструментальный план (см. рис. 2).

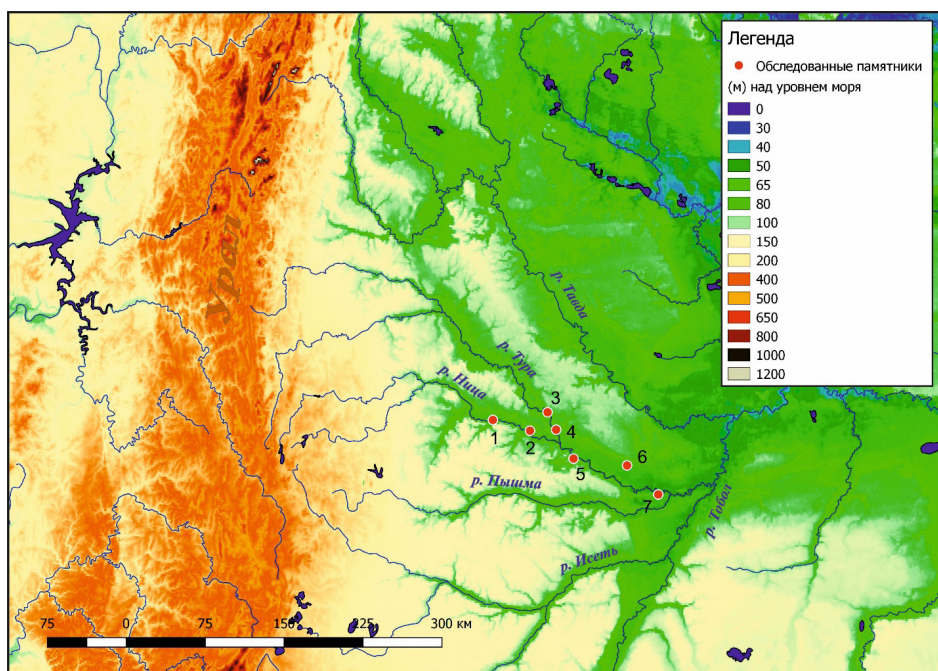

Рис. 1. Карта обследованных памятников научно-исследовательской лабораторией археологии и этнографии Тюменского государственного университета в 2020–2023 гг.:

- 1 — Юдинское городище; 2 — Боровиковское I городище; 3 — Андроновское I городище; 4 — Красный Яр городище; 5 — Липчинское I городище; 6 — городище Аракчино-1; 7 — городище Пламя Сибири-6

Городище представляет собой площадку округлой формы с замкнутой оборонительной линией, состоящей из вала и рва. Размеры площадки — 43×38 м (S — 900 кв. м). Вал шириной до 3,5 м достигал высоты относительно жилой площадки 0,4 м, ров шириной до 4,5 м, глубиной 0,5–1 м относительно напольной части. Перепад высот от вершины вала до дна рва в разных частях

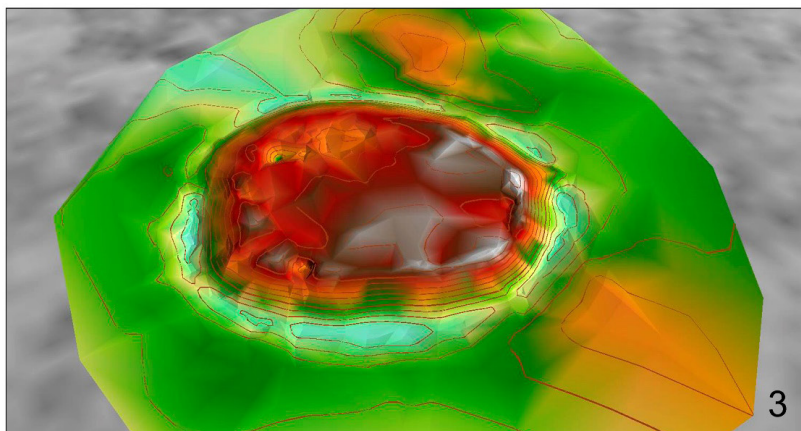
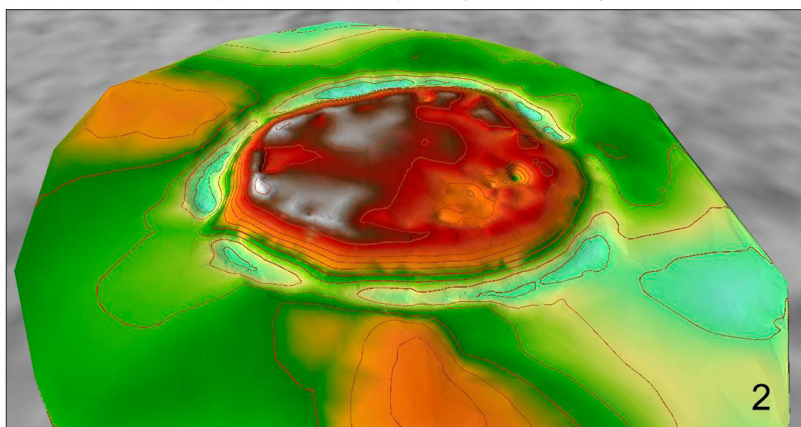
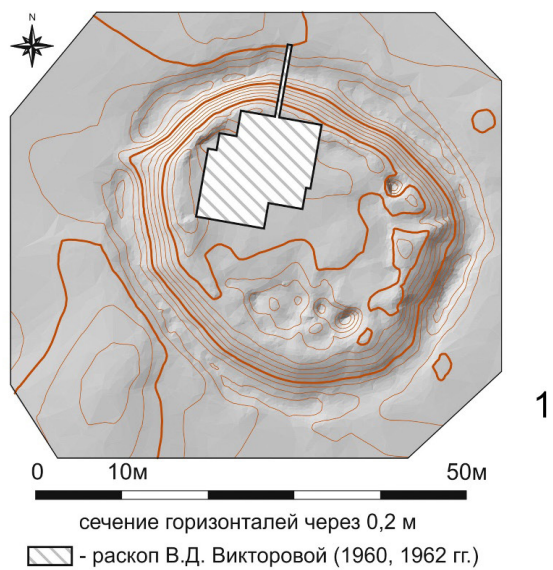

Рис. 2. Юдинское городище:
1 — инструментальный план памятника; 2 — 3D-модель памятника,
вид с юго-запада; 3 — 3D-модель памятника, вид с севера

памятника составлял от 1,6 до 2 м (см. рис. 2). В западной части оборонительной линии зафиксирован узкий перешеек, вероятно, являющийся остатками въезда на городище. На поверхности городища фиксируются следы множества грабительских вкопов, в результате чего нами не было зафиксировано остатков котлованов и жилищных впадин.

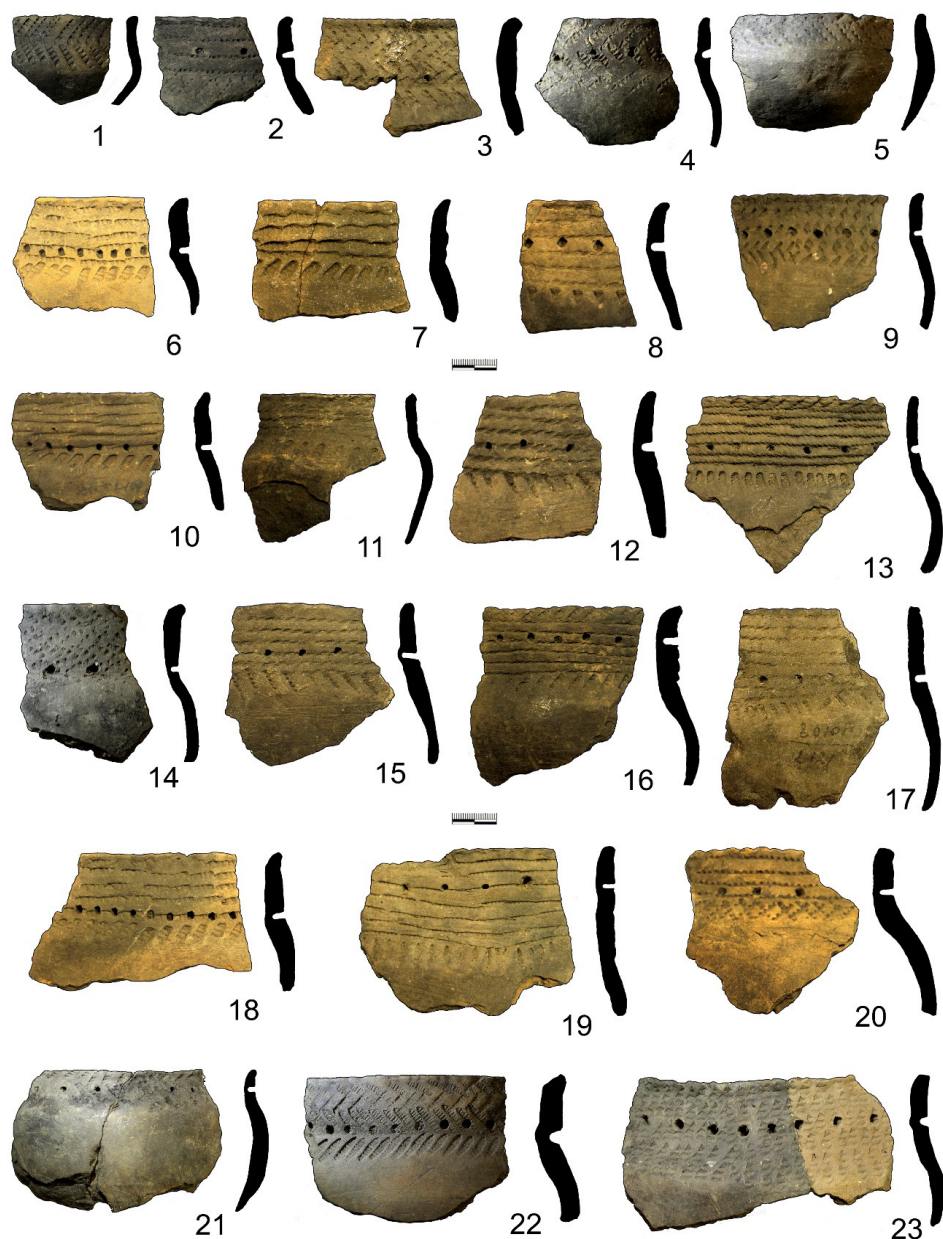

Рис. 3. Юдинское городище. Находки керамической посуды юдинского типа из раскопок В. Д. Викторовой 1960, 1962 гг.

Боровиковское I городище расположено в Байкаловском районе Свердловской области, на краю останца коренной террасы левого берега р. Ницы, примыкающего к обрывистому берегу р. Боровушки, на высоте 4 м от уровня воды (см. рис. 1, 2).

Памятник открыт в 1963 г. Туринским отрядом под руководством Г. А. Мамина Уральской археологической экспедицией Уральского государственного университета [Викторова, 1969]. В 2017 г. А. В. Гордиенко заложил на памятнике рекогносцировочный раскоп, разрезав вал и часть перекрытого валом рва вдоль. Впоследствии частично исследованный ров был интерпретирован им как углубленное жилище [Гордиенко, 2019б, с. 106]. Не сумев разделить культурные напластования, исследователь интерпретировал данное городище как однослойный батырский комплекс, датировав его VI–IX вв., при этом полностью игнорируя комплекс предметов, датируемых XI–XIII вв. (см. рис. 9). В полевом сезоне 2023 г. памятник был исследован рекогносцировочно повторно. В ходе работ автором статьи была проведена шурфовка памятника с целью детализации хронологии и определения культурной принадлежности, а также снят уточняющий инструментальный план.

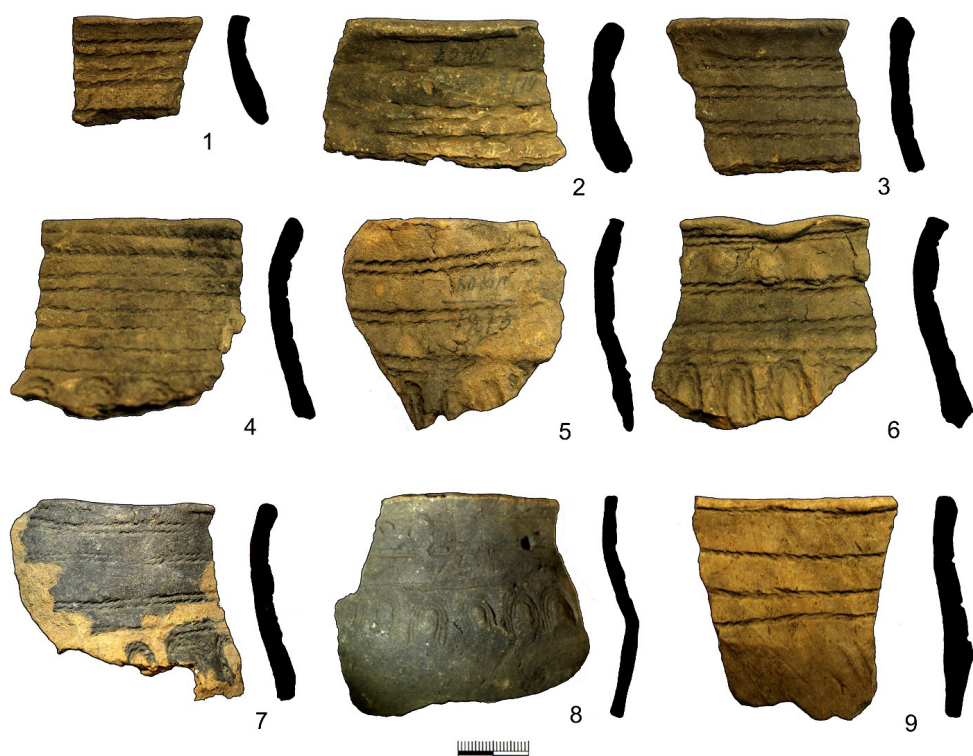

Рис. 4. Юдинское городище. Находки керамической посуды макушинского типа из раскопок В. Д. Викторовой 1960, 1962 гг.

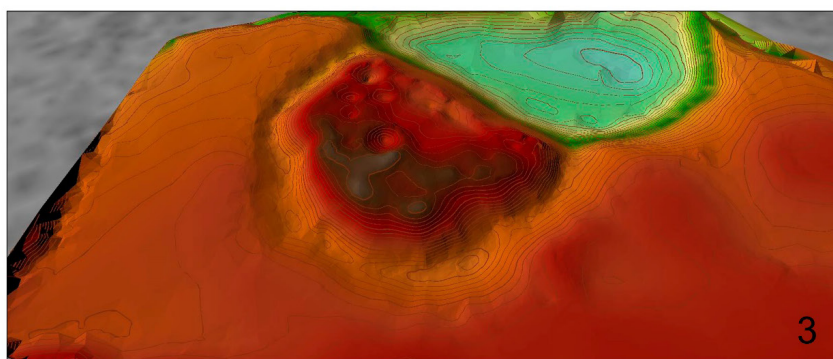
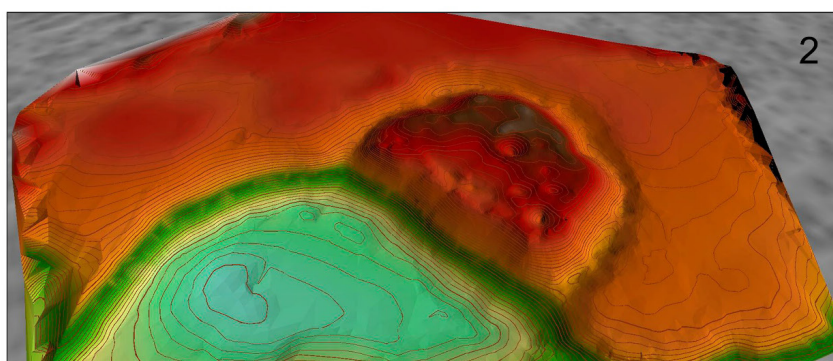
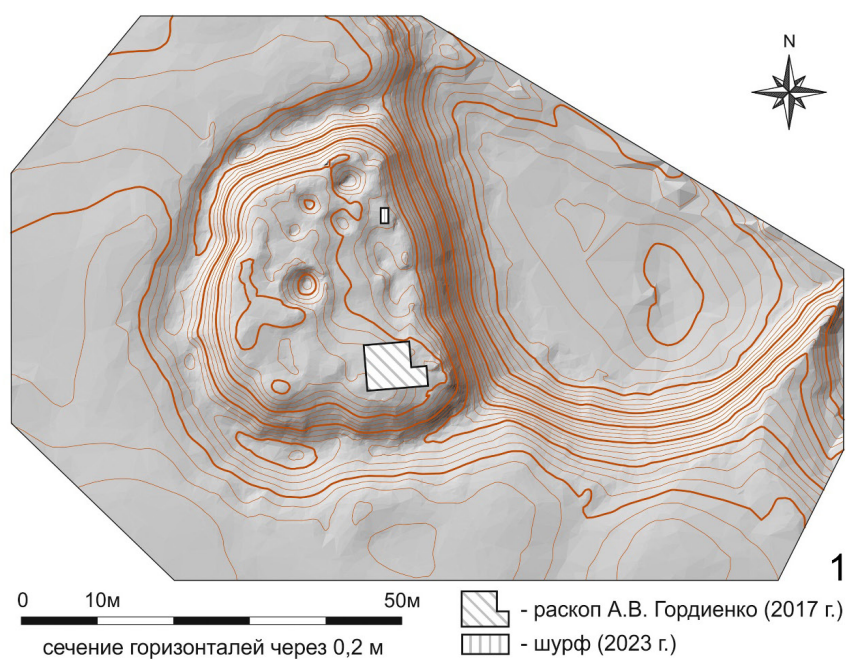

Рис. 5. Боровиковское I городище:
 1 — инструментальный план памятника; 2 — 3D-модель памятника,
 вид с северо-востока; 3 — 3D-модель памятника, вид с юга

Поселение (S — 1100 кв. м) занимает подпрямоугольную площадку размерами 45×33 м, с трех сторон ограниченную линией «ров–вал», а с четвертой — обрывистым берегом реки (см. рис. 5). Восточная часть городища значительно ниже западной, что вызвано естественным понижением террасы. Вал шириной до 5 м достигает высоты относительно жилой площадки 0,55–0,9 м. Ров шириной до 8 м имеет глубину относительно напольной части 1–1,6 м. Перепад высот от вершины вала до дна рва составил 2,5–3 м. На территории городища зафиксировано пять жилищных западин круглой формы. Они тяготеют к периметру укрепленной площадки. Жилищные западины имеют размеры от 2,5×2,5 до 5,5×6 м, глубиной от 0,35 до 1 м (см. рис. 5).

На памятнике зафиксировано множество грабительских вкопов. В северо-восточной части площадки на краю одной из ям кладоискателей были обнаружены крупные фрагменты литого чугуна котла золотоордынского времени. Грабители, не разбираясь в находках этого времени, приняли котел за современное изделие, оставив его на площадке (см. рис. 6; 8, 19). На месте обнаружения котла был заложен разведочный шурф № 1 размерами 1×2 м, глубина отложений в нем достигает 123 см от условного нуля (см. рис. 7).

Шурф № 1. Под дерново-гумусным слоем залегал слой серо-коричневой супеси, достигавший мощности 0,8 м. В структуре слоя прослежены многочисленные остатки сооружений. В частности, в квадрате А сразу под дерновым слоем залегала прослойка темно-серой мешаной супеси с включениями глиняной обмазки мощностью до 0,3 м, интерпретированная нами как остатки шахты плавильного горна. В квадрате Б вдоль западной и северной стенок зафиксированы прослойки углистого слоя и прокаленной рыжей супеси. Здесь же на уровне –22 см от условного нуля обнаружены остатки обугленной древесины, от которой взята проба для радиоуглеродного датирования, давшая значение 560±30 л. н. (СОАН-10005). В квадрате Б на уровне –30...–50 см прослежена прослойка светло-коричневой супеси, уходящая в северо-западный угол (см. рис. 7). На уровне –60...–75 см в квадрате А зафиксирована прослойка серой мешаной супеси с включениями глиняной обмазки — развал шахты глинобитного горна. В восточной стенке на этом уровне находилась линза прокала 0,5×0,06 м, ее подстилала прослойка углистой супеси, а в квадрате Б была тонкая прослойка серой золистой супеси. На уровне –78...–84 см в западной и северной стенках отмечена тонкая прослойка погребенной почвы, разделявшая слои серо-коричневого и серого цвета, в последнем были включения линз рыжего зольного грунта, а также остатки погребенной почвы. В квадрате Б серый слой нарушает прямоугольная яма 2, заметная с уровня –82 см, размерами 0,3×0,37 м, углубленная в материк на 0,18 м. Ее первичное заполнение — темно-серая углистая супесь, а вторичное — серо-коричневая. Видимо, это остатки основания глинобитного горна, выполнявшего функцию шлаконакопителя. В квадрате А на уровне материка зафиксирована яма 1 с чашевидным дном, заполненная рыжим прокалом размерами 0,75×0,08 м.

В квадрате Б с уровня –110 см фиксируются контуры ямы 3 трапецевидной формы, размерами 0,75×0,1 м с серой супесью.

Рис. 6. Боровиковское I городище. Разрушения в северо-восточной части жилой площадки городища и оставленные кладоискателями фрагменты чугунного котла, вид с запада

На плане до уровня –45 см основным слоем являлся серо-коричневый с пятнами темно-серой мешаной супеси с мелкими фрагментами глиняной обмазки и однородным пятном светло-коричневой супеси в северной части шурфа. В квадрате Б до уровня –20 см встречались фрагменты литого чугунного котла, крупные детали которого были обнаружены нами на поверхности (см. рис. 8, 19). Совместно с ними зафиксировано несколько фрагментов сосудов макушинского типа (см. рис. 8, 7, 13). На уровне –50...–60 см в южной части шурфа в квадрате А в слое серой мешаной супеси было зафиксировано несколько крупных бесформенных кусков обожженной глиняной обмазки от цилиндрической шахты глинобитного сыродутного горна, который после использования был разобран. В квадрате Б на уровне –60 см видно подкововидное пятно прокаленного грунта — основание горна, расположенное над ямой 2. По его периметру видна обожженная древесина, очертания остатков которой образовывали прямоугольник размерами 0,6×0,7 м. Предполагаем, что основание горна было заключено в деревянную опалубку. Проба из данной конструкции дала значение 1900±85 л. н. (СОАН-10060). В северо-западном углу шурфа в квадрате Б прослежено серое золистое пятно. Находки у основания горна на уровне –40...–60 см были представлены фрагментами посуды юдинской культуры (см. рис. 8, 6, 14, 15), а также двумя костяными наконечниками стрел (см. рис. 8, 16, 17).

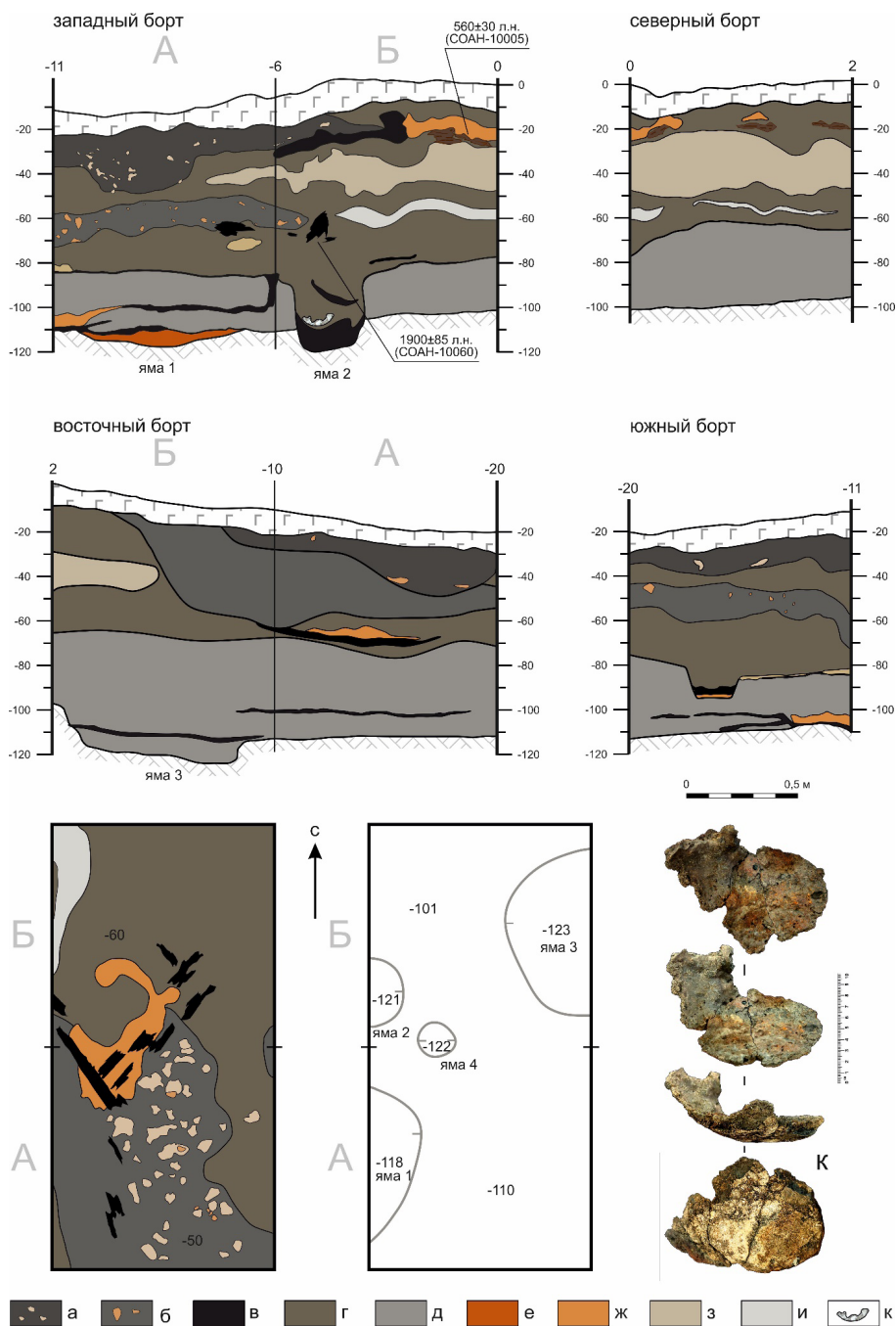

Рис. 7. Боровиковское I городище. Шурф № 1:

а — темно-серая мешаная супесь с глиняной обмазкой (горн 1); б — серая мешаная супесь с глиняной обмазкой (горн 2); в — темно-серая супесь (погребенная почва со следами горения); г — серо-коричневая супесь; д — серая супесь; е — провал; ж — рыжий золистый слой; з — светло-коричневая супесь; и — серый золистый слой; к — шлак (шлакоотстойник)

На уровне $-100\ldots-110$ см материка проявилась яма 1 овальной формы, ее размеры составили $0,7 \times 0,23$ м, глубина — $0,08$ м. Около нее были обнаружены фрагменты шлака полусферической формы — заполнение шлаконакопительной ямы 2 (см. рис. 8, *к*). В квадрате Б прослежены контуры ямы 2 округлой формы, ее размеры составили $0,15 \times 0,3$ м, глубина — $0,18$ м. Яма 3 зафиксирована в квадрате Б в северо-восточном углу, ее размеры — $0,75 \times 0,38$ м, глубина — $0,12$ м. Круглая яма 4 размерами $0,16 \times 0,15$ м, глубиной $0,2$ м имела серо-коричневое мешаное заполнение. Находки здесь представлены юдинскими черепками (рис. 8, 7–12).

Андроновское I городище расположено в Слободо-Туринском районе Свердловской области на краю коренной террасы левого обрывистого берега р. Туры, на высоте 10 м от уровня воды (см. рис. 1, 3). Памятник открыт в 1961 г. В. Д. Викторовой и В. И. Липским [Викторова, 1969] и был датирован X–XIII вв. в рамках существования юдинской культуры. Поселение (S — 850 кв. м) занимает полукруглую площадку размерами 48×44 м, с трех сторон окружено рвом и валом, а с четвертой — берегом реки. Западная часть городища значительно ниже восточной, что вызвано естественным понижением террасы. Вал шириной до 7 м имеет высоту относительно жилой площадки $0,55\text{--}0,7$ м. Ров шириной до 6 м имеет глубину от napольной части $1,2\text{--}1,8$ м. Перепад высот от вершины вала до дна рва составил $3\text{--}3,5$ м (см. рис. 8). На поверхности обнаружены следы множества грабительских вкопов, в результате чего стали не видны котлованы жилищ. В 2023 г. автором памятник был подвергнут рекогносцировке с шурфовкой культурного слоя с целью детализации хронологии и определения культурной принадлежности, а также снятием уточняющего инструментального плана (см. рис. 10).

Шурф № 1 размерами 2×2 м показал толщину слоя 132 см (рис. 11). Под дерном залегал основной слой серой супеси толщиной от $0,39$ до $0,76$ м, в нем зафиксированы тонкие прослойки серой золистой супеси, а также темно-серого цвета остатки погребенной почвы. С уровня $-50\ldots-70$ см вышел слой серо-коричневой мешаной супеси мощностью $0,57\text{--}0,64$ м. В нем были включения тонких (до $0,07$ м) полосок темно-серой погребенной почвы, особенно хорошо видные в северном и восточном бортах, отражающих минимум три периода задерживания. Кроме темно-серых прослоек фиксируются серые зольные линзы (см. рис. 11). Серо-коричневую мешаную супесь подстилал светло-коричневый слой толщиной от $0,13$ до $0,27$ м. С уровня -105 см светло-коричневый слой был прорезан двумя канавками с коричневым заполнением. Первая имела размеры $0,42 \times 0,38$ м, а вторая — $0,38 \times 0,38$ м, они были углублены в материк на $0,1\text{--}0,12$ м. С уровня -70 см серо-коричневая мешаная и светло-коричневая супеси были прорезаны более поздней канавой, идущей под углом 25° , шириной $0,66$ м, глубиной $0,72$ м, заполнение — серая супесь (см. рис. 11). В квадрате A1 под светло-коричневым слоем найден шлак полусферической формы (см. рис. 11, *е*), вероятно, от шлаконакопительной ямы плавильного горна.

Рис. 8. Боровиковское I городище. Находки из шурфа № 1 (2023):
 1–6, 8–12, 14, 15 — посуда юдинского типа; 7, 13 — посуда макушинского типа;
 16, 17 — наконечники стрел; 18 — клин; 19 — котел; 1–15 — глина;
 16–18 — кость; 19 — чугун

Рис. 9. Боровиковское I городище. Находки из раскопа А. В. Гордиенко (2017):
 1-3 — наконечники стрел; 4 — обломок клинка сабли; 5 — фрагмент стенки котла;
 6-8 — уши котла; 9-12 — стенки и дно котла; 13 — льячка. 1-3 — кость; 4 — железо;
 5 — чугун; 6-12 — бронза; 13 — глина

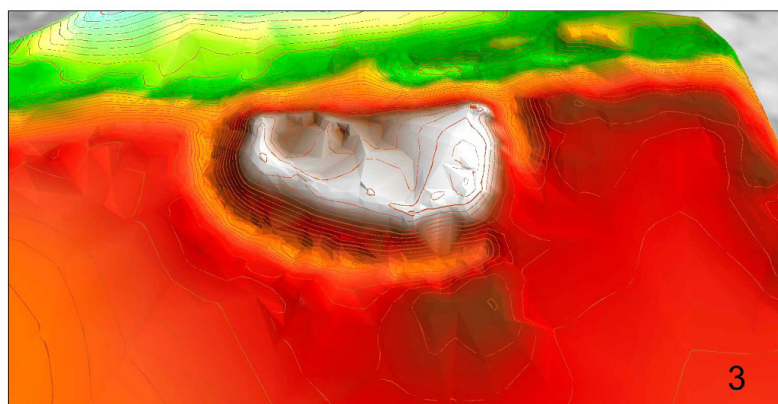
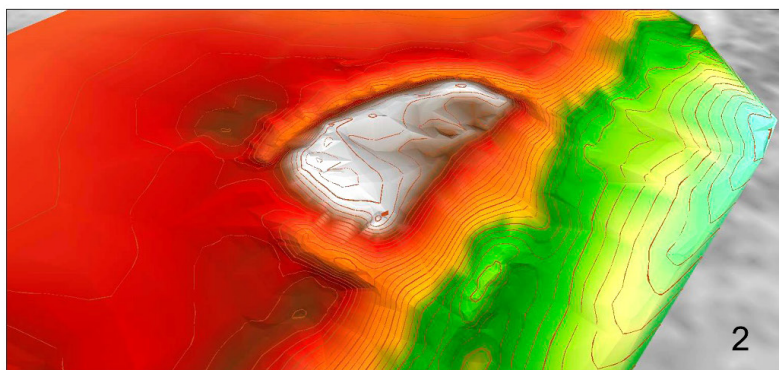
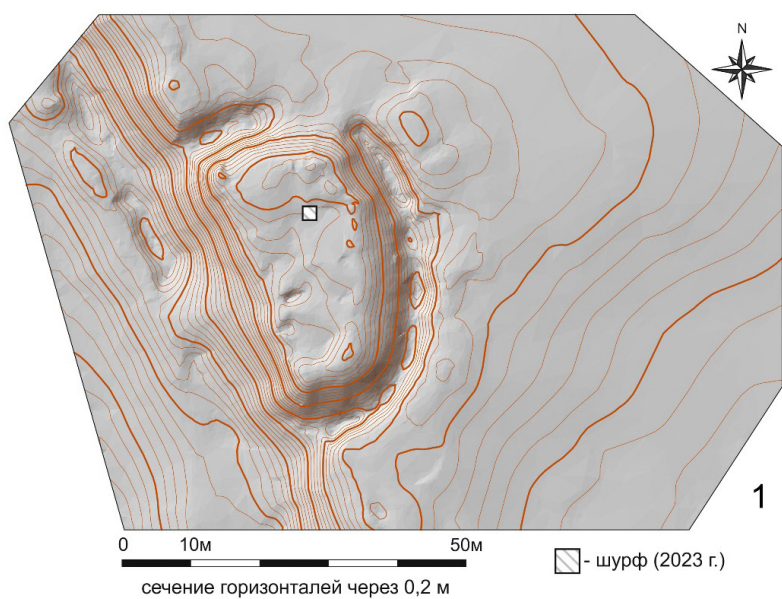

Рис. 10. Андроновское I городище:
 1 — инструментальный план памятника; 2 — 3D-модель памятника,
 вид с северо-запада; 3 — 3D-модель памятника, вид с востока

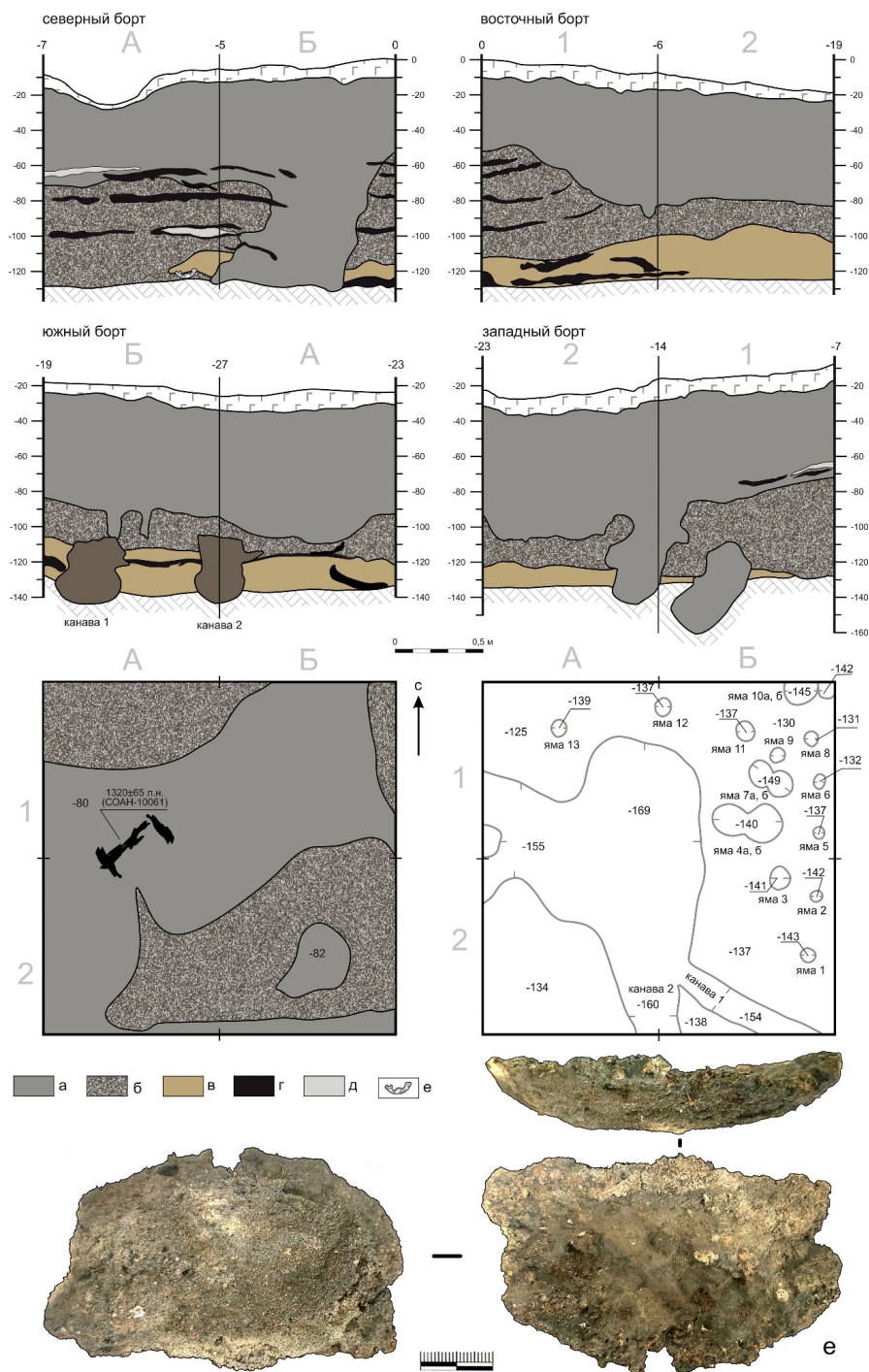

Рис. 11. Андроновское I городище. План шурфа № 1:

а — серая супесь; б — серо-коричневая мешаная супесь; в — светло-коричневая супесь; г — темно-серая супесь (погребенная почва со следами горения); д — серый золистый слой; е — шлак (шлакоотстойник)

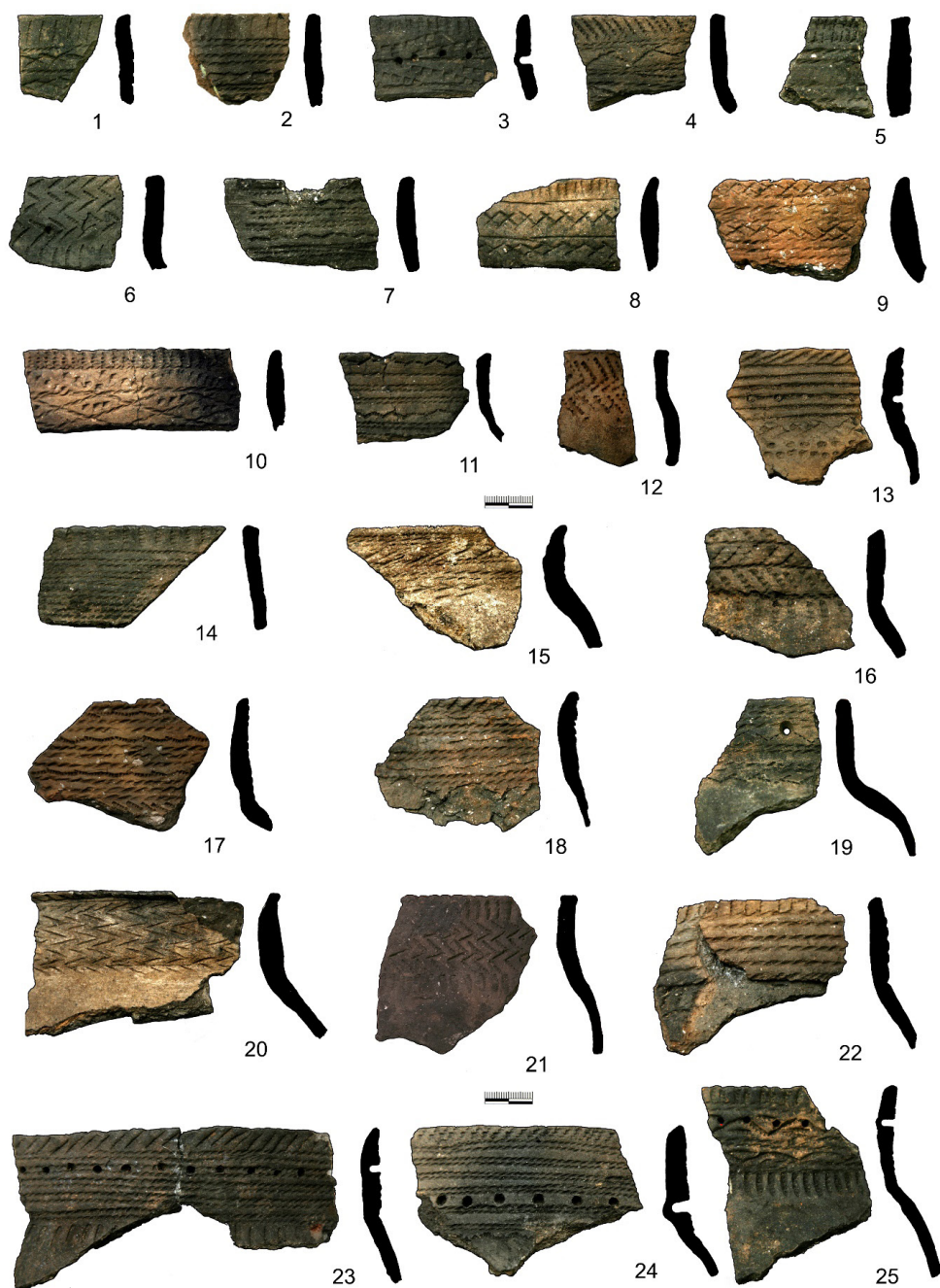

Рис. 12. Андроновское I городище. Находки керамической посуды из шурфа № 1

На плане, на уровне -80 см, в шурфе зафиксирована канава в виде полосы серой супеси размерами $1 \times 1,77$ м с остатками обугленной древесины, от которой был отобран образец для радиоуглеродного датирования. Он дал значение

1320±65 л. н. (СОАН-10061). Находки (до уровня –80 см) представлены фрагментами посуды (см. рис. 12, 1, 2, 4–7, 9, 12–15, 18–21, 24) и металлическими вещами: бронзовый язычок пряжки (см. рис. 11, 10), перо железной стамески (см. рис. 13, 2), фрагмент стенки медного котла (рис. 13, 11), четыре костяных наконечника стрел (рис. 13, 3–5, 8), костяная проколка (рис. 13, 6), глиняный рюмковидный тигель (рис. 13, 12).

На фоне материка в центре проявилась яма размерами 1,22×0,9 м с отходящими от нее к южному и западному бортам узкими канавками. Кроме того, вдоль восточного и северного бортов прослежена серия округлых (часто парных) ям (1–13). Их размеры варьируются от 20×25 до 6,5×6 см, глубина — от 4 до 25 см. Находки с этого уровня представлены фрагментами юдинской посуды (см. рис. 12, 3, 8, 10, 11, 16, 17, 22, 23, 25), железным долотом (рис. 13, 1), каменным оселком (рис. 13, 9) и костяной проколкой (рис. 13, 7).

Красный Яр городище расположено в Слободо-Туринском районе Свердловской области, на краю коренной террасы левого берега бывшего русла р. Туры, на высоте 8 м от уровня воды (см. рис. 1, 4).

Рис. 13. Андроновское I городище. Индивидуальные находки из шурфа № 1:
1 — долото; 2 — стамеска; 3–5, 8 — наконечники стрел; 6, 7 — проколки;
9 — оселок; 10 — язычок пряжки; 11 — фрагмент стенки котла; 12 — тигель.
1, 2 — железо; 3–8 — кость; 9 — камень; 10, 11 — бронза; 12 — глина

Памятник открыт в 1962 г. Уральской археологической экспедицией, в 2016 г. исследования на нем провел А. В. Гордиенко, открыв несколько средневековых захоронений. Основываясь на керамическом материале комплекса,

он датировал городище и захоронения в рамках VIII–IX вв., атрибутируя их как батырские [Гордиенко, Приходько, 2017, с. 121]. В 2023 г. нами был снят уточняющий инструментальный план (см. рис. 14). Объект (S — 1600 кв. м) занимает подквадратную площадку размерами 48×35 м, с трех сторон окруженную валом и рвом, а с четвертой — обрывистым берегом старицы. Южная часть городища несколько ниже, что вызвано естественным понижением берега. Вал шириной 6,5–8,5 м имеет высоту относительно жилой площадки 0,8–1,4 м. Ров шириной до 7 м и глубиной относительно napольной части 0,8–1,6 м. Перепад высот от вершины вала до дна рва составил 2,2–3,4 м (см. рис. 14). На городище зафиксировано восемь жилищных западин округлой формы размерами от 2,5×2,5 до 7×7 м, глубиной от 0,3 до 0,5 м. Они расположены по периметру площадки вдоль вала.

В 100 м юго-восточнее городища находится грунтовый могильник этого же времени, получивший название Туринская Слобода, который на сегодняшний день сильно пострадал от деятельности кладоискателей. В одной из публикаций А. В. Гордиенко приводит некоторые находки с поверхности некрополя, среди них фрагменты керамики юдинской культуры [Гордиенко, 2019б, рис. 71], отдельные металлические предметы, а также несколько спекшихся фрагментов кольчужного полотна (см. рис. 15, 23). Еще один набор предметов, якобы не взятых грабителями, выставлен в экспозиции Слободо-Туринского районного историко-краеведческого музея¹. В нем присутствуют украшения и детали костюма (см. рис. 15, 1–6), элементы вооружения (рис. 15, 7–11, 20), хозяйственный и бытовой инвентарь (см. рис. 15, 12–19). Судя по всему, это два синхронных друг другу комплекса.

Липчинское I городище расположено в Слободо-Туринском районе Свердловской области, на краю коренной террасы правого обрывистого берега р. Липки, при впадении ее в р. Туру, на высоте 25 м от уровня воды (см. рис. 1, 5). Памятник открыт в 1963 г. С. Б. Данилевичем [1963]. В. Д. Викторова рассматривает данный памятник в рамках молчановского типа памятников юдинской культуры, датировав городище второй половиной I тыс. н. э. — первой третью II тыс. н. э. [Викторова, 1969]. А. В. Гордиенко на основании сборов с поверхности определил его VI–IX вв. и отнес к так называемой молчановской культуре [Гордиенко, 2016, с. 7]. В полевом сезоне 2021 г. памятник был осмотрен нами совместно с А. А. Пилькиной, собраны находки из обнажений и грабительских вкопов, а также снят новый уточняющий инструментальный план (см. рис. 16) [Пилькина, 2022].

Памятник (S — 700 кв. м) представляет собой полукруглую площадку размерами 46×20 м, с трех сторон окруженную линией «ров–вал», а с запада ограниченную обрывом террасы. Он значительно пострадал вследствие обрушения берега. Видимо, в древности площадка была больших размеров. Вал шириной до 6,5 м достигает высоты относительно жилой площадки 0,5–1 м. Ров

¹ Выражаем благодарность Т. Н. Захаровой, директору Слободо-Туринского районного историко-краеведческого музея, за возможность работы с предметами случайной коллекции могильника Туринская Слобода.

шириной от 4,5 до 7 м имеет глубину относительно napольной части 1–1,8 м. Перепад высот от вершины вала до дна рва составил 2–2,5 м (см. рис. 16).

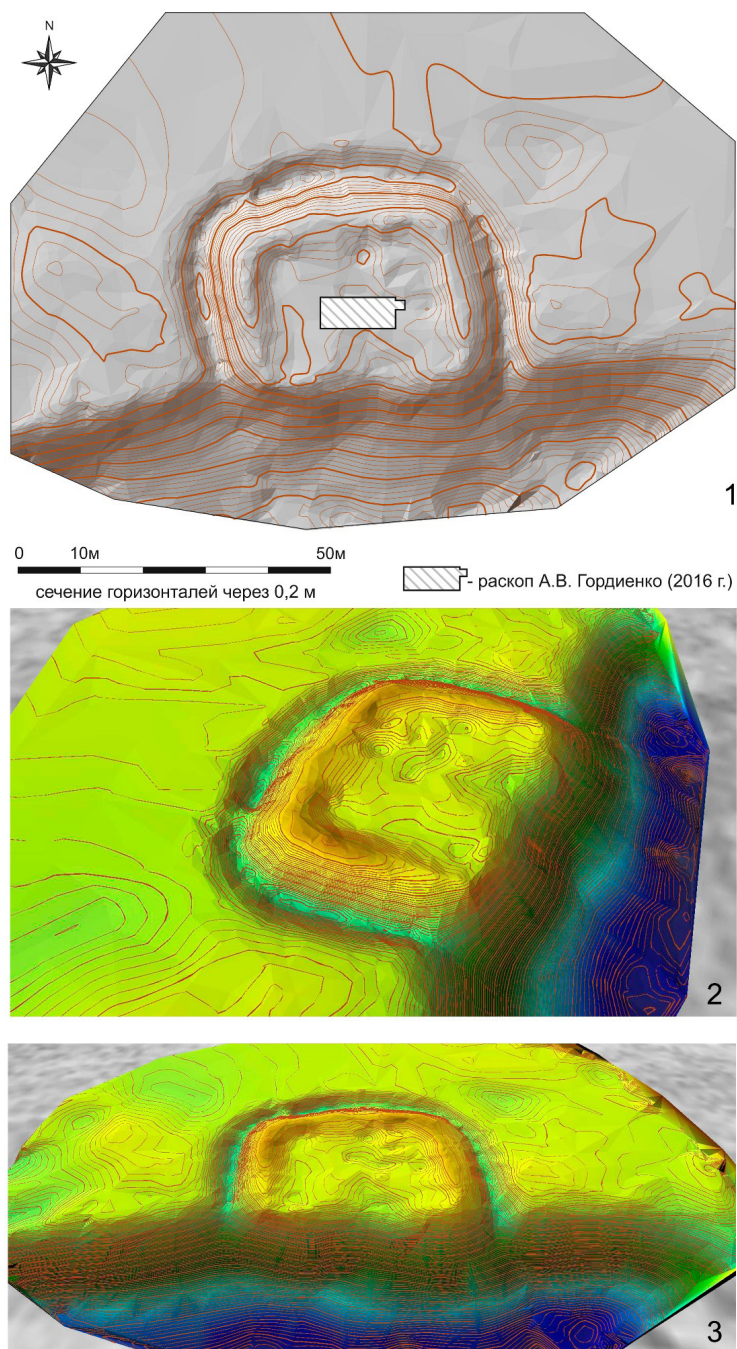

Рис. 14. Городище Красный Яр:

1 — инструментальный план памятника; 2 — 3D-модель памятника, вид с запада;
3 — 3D-модель памятника, вид с юга

Рис. 15. Инвентарный комплекс Красного Яра и Туринской Слободы:
 1–20, 23 — могильник Туринская Слобода; 21, 22 — городище Красный Яр.
 1 — бусина; 2 — височное украшение; 3, 4 — височные кольца; 5 — лапчатая привеска;
 6 — застежка-сюльгама; 7–11 — наконечники стрел; 12 — навершие плети (?);
 13 — молот; 14–19, 21 — ножи; 20 — сабля; 22 — перекрестие сабли;
 23 — кольчужное полотно. 1, 2 — серебро; 3–6 — бронза; 7–23 — железо

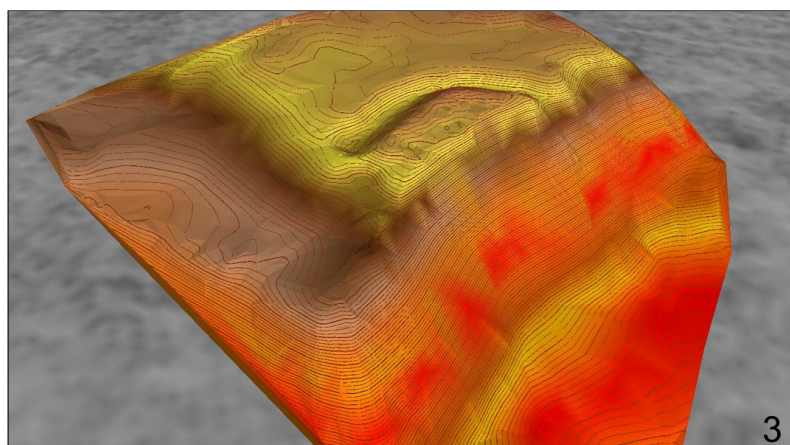
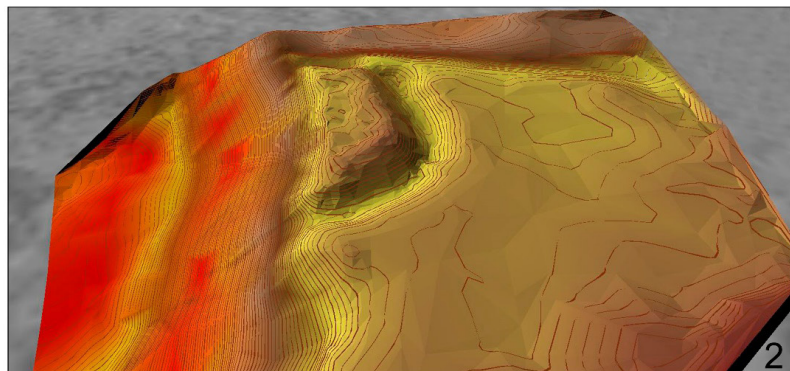
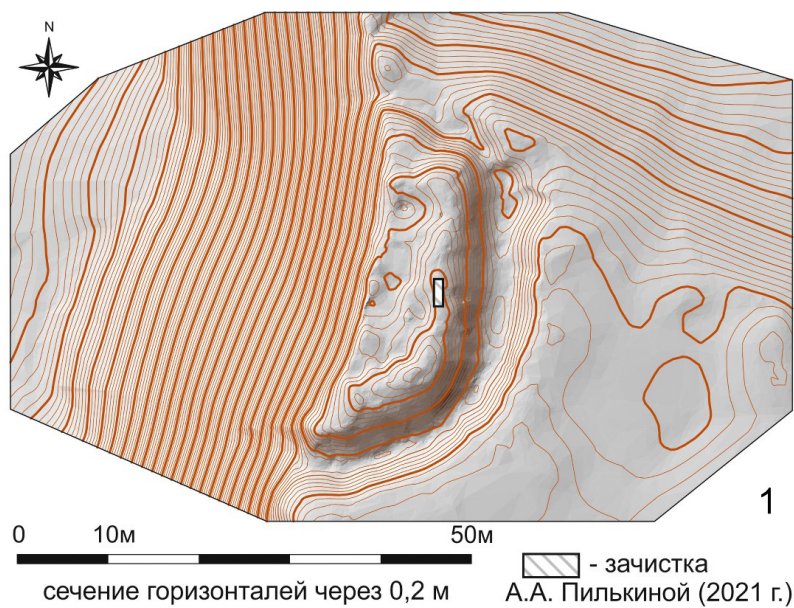

Рис. 16. Липчинское I городище:
 1 — инструментальный план памятника; 2 — 3D-модель памятника, вид с юга;
 3 — 3D-модель памятника, вид с северо-запада

Следов сооружений в виде западин не зафиксировано ввиду значительных разрушений на поверхности. На валу в центральной части оборонительной линии в зачистке кладочного вкопа была отобрана древесина от каких-то сооружений для радиоуглеродного датирования, значение — 820 ± 40 л. н. (СОАН-10004).

Городище Аракчино-1 расположено в Нижнетавдинском районе Тюменской области, на вершине незатопляемой песчаной дюны, окруженной с трех сторон низкими заболоченными участками. Городище приурочено к самому высокому участку береговой озерной террасы на левобережье р. Туры (см. рис. 1, 6). Памятник открыт в 2001 г. отрядом Института проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук под руководством С. Н. Скочиной [2002, с. 22–24]. В полевом сезоне 2021 г. автором была проведена его шурфовка с целью установления мощности культурных напластований и определения культурной принадлежности, а также снят уточняющий инструментальный план.

Укрепленное поселение трапециевидной формы с замкнутой оборонительной линией, состоящей из вала и рва, имеет размеры площадки 50×35 м (S — 1100 кв. м). Южная часть городища значительно ниже северной, что вызвано естественным понижением террасы. Высота вала относительно жилой площадки — от 0,5 до 0,75 м. Глубина рва относительно напольной части составляет 0,75–1 м. Перепад высот от вершины вала до дна рва в разных частях памятника колеблется от 1 до 2,25 м (см. рис. 17, а, б).

На территории жилой площадки городища зафиксировано девять жилищных западин круглой, овальной и подквадратной форм. Западины тяготеют к периметру оборонительной линии. За пределами городища зафиксировано еще шесть западин овальной формы, вытянутых в линию с юга на север. Жилищные западины имеют размеры от $2,5 \times 1,5$ до $9 \times 9,5$ м, глубиной от 0,25 до 1,3 м.

В центральной части поселения был заложен разведочный *шурф № 1*, размерами 1×2 м, ориентированный длинной осью по линии З–В. Глубина шурфа достигает 92 см от условного нуля (см. рис. 18). Под дерном залегал слой однородной серо-коричневой супеси, достигавший мощности 0,8 м. Ниже, на уровне –10...–70 см, залегала прослойка светло-серой супеси, которую подстилала прослойка темно-серой супеси, фиксируемая в квадрате 2. В северной стенке на уровне –60...–66 см от условного нуля прослежена еще одна темно-серая прослойка с углистыми включениями, имевшая дугообразную форму размерами 66×15 см, также уходящая в западный борт. Ниже темно-серой прослойки, в северо-западном углу, зафиксировано подтреугольное пятно прокаленного грунта мощностью до 25 см. На уровне –80...–90 см зафиксирован материк (см. рис. 18).

После однородной серо-коричневой супеси, перекрытой пятном светло-серой супеси, вдоль северного борта проявился участок с темно-серым заполнением, внутри которого была прослойка с включениями угля и прокаленного грунта, в ней обнаружено несколько фрагментов керамической лепной посуды с гребенчато-шнуровым декором, относящихся к юдинской культуре (см. рис. 17, 1–6). Полагаем, что шурфовкой была задета часть сооружения и остатки его очага. На уровне –78...–92 см шурф был выведен на уровень материка.

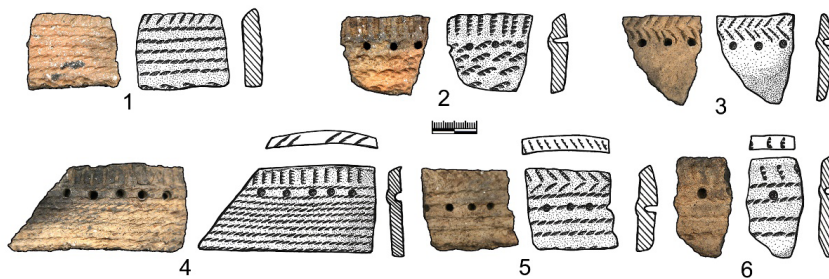
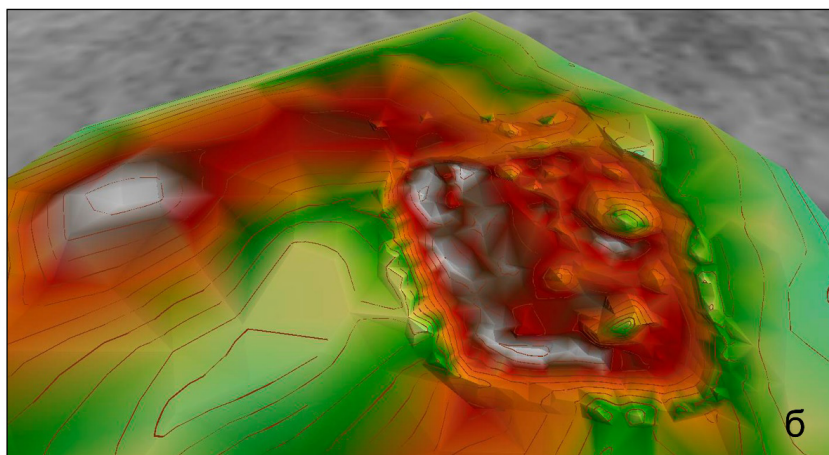
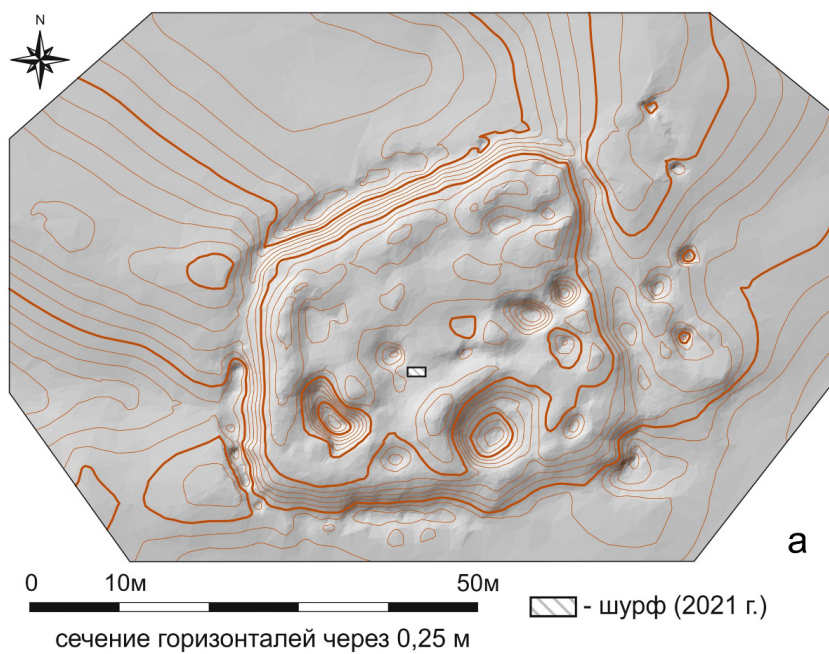

Рис. 17. Городище Аракчино-1:
 а — инструментальный план памятника; б — 3D-модель памятника, вид с запада.
 1–6 — фрагменты керамической посуды из шурфа № 1 (2021)

Городище Пламя Сибири-6 расположено в Тюменском районе Тюменской области, на краю коренной террасы правого берега бывшего русла р. Туры (оз. Антоново), на высоте 7 м от уровня воды (см. рис. 1, 7). Памятник открыт В. В. Корнийцом в 2005 г. В 2011 г. А. В. Гордиенко исследовал две постройки и датировал их в рамках VI–VII вв., относя поселение к «молчановской» культуре [Гордиенко, 2016, с. 29]. В 2020 г. экспедицией Тюменского государственного университета он был исследован рекогносцировочно [Зеленков, 2023] с шурфовой культурного слоя и снятием уточняющего инструментального плана.

Поселение (S — 3600 кв. м) представляет собой полуovalьную площадку размерами 78×45 м, с трех сторон окруженную линией «ров–вал», а с севера ограниченную берегом реки. С восточной стороны к основной части городища примыкает площадка треугольной формы — барбакан, размерами 30×16 м, ограниченная с двух сторон рвом. Эта часть городища значительно ниже западной, что вызвано естественным понижением террасы. Вал шириной от 6 до 8,5 м достигает высоты относительно жилой площадки 0,75–1,25 м. Ров шириной 6,5–7,5 м имеет глубину относительно напольной части 1–1,5 м. Перепад высот от вершины вала до дна рва составил 2,5–3,5 м (см. рис. 19). На жилой площадке зафиксировано 20 жилищных западин округлой и овальной форм. Они имеют размеры от 4,6 до 9,5 м, глубиной от 0,45 до 0,73 м, образуют четыре линии (улицы?), ориентированные с запада на восток. Еще одна западина зафиксирована снаружи.

Ввиду того, что комплекс, полученный А. В. Гордиенко в ходе раскопок 2011 г., датирован произвольно, а пробы на радиоуглеродное датирование не отбирались, нами в северной части жилой площадки, на краю террасы, с целью построения получения материала для абсолютной датировки был заложен разведочный шурф № 1. Его размеры — 2×2 м, глубина отложений в нем достигает 97 см от условного нуля (см. рис. 20).

Шурф № 1. Под дерново-гумусным слоем залегал слой серой супеси мощностью от 0,35 до 0,8 м. В структуре слоя на уровне –50...–70 см прослежены немногочисленные светло-коричневые золистые прослойки толщиной до 5 см. На уровне –40...–90 см на профиле восточного, южного и западного ботов прослежена прослойка погребенной почвы мощностью 2–10 см, представленная темно-серой супесью с включениями угля. Данная прослойка разделяет слой серой и серо-коричневой супеси. В квадратах Б1, 2 фиксируется уклон темно-серой прослойки в северо-восточную сторону. Из данного слоя была взята проба, давшая значение 1320±50 л. н. (СОАН-10003). Еще одна проба отобрана из западного профиля на уровне –45 см, ее значение — 1940±65 л. н. (СОАН-10006). Ниже темно-серой прослойки залегал однородный слой серо-коричневой супеси, он прорезан трапециевидной ямой 1, достигавшей глубины –99 см. Трапециевидная яма 2 с темно-коричневым заполнением уходила в юго-западный угол шурфа глубиной –95 см. На профиле северного борта на уровне –67...–80 см зафиксирован разрез очага в виде многослойного прокала бурого и рыжего цвета с подстилающей зольной светло-коричневой прослойкой. Очаг располагался на западном краю ямы 1. На уровне –85...–90 см прослежен материк — белесый песок (см. рис. 20).

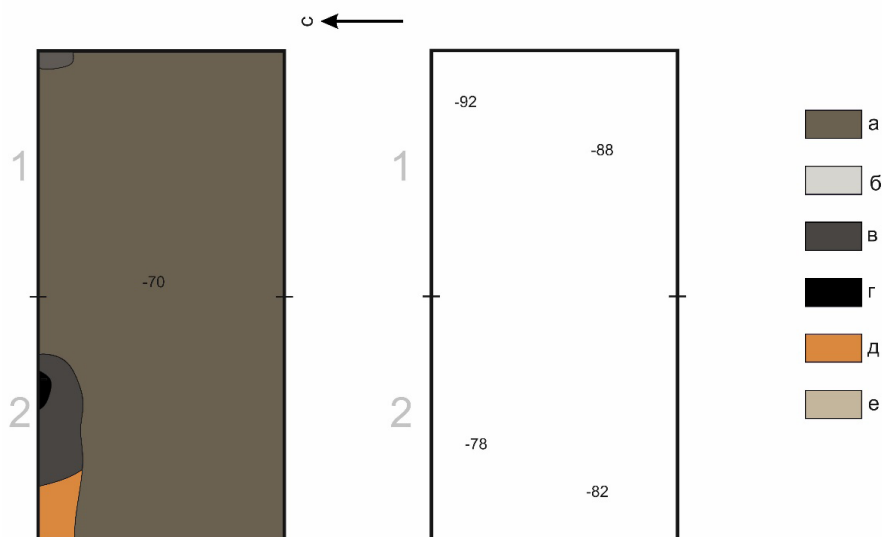
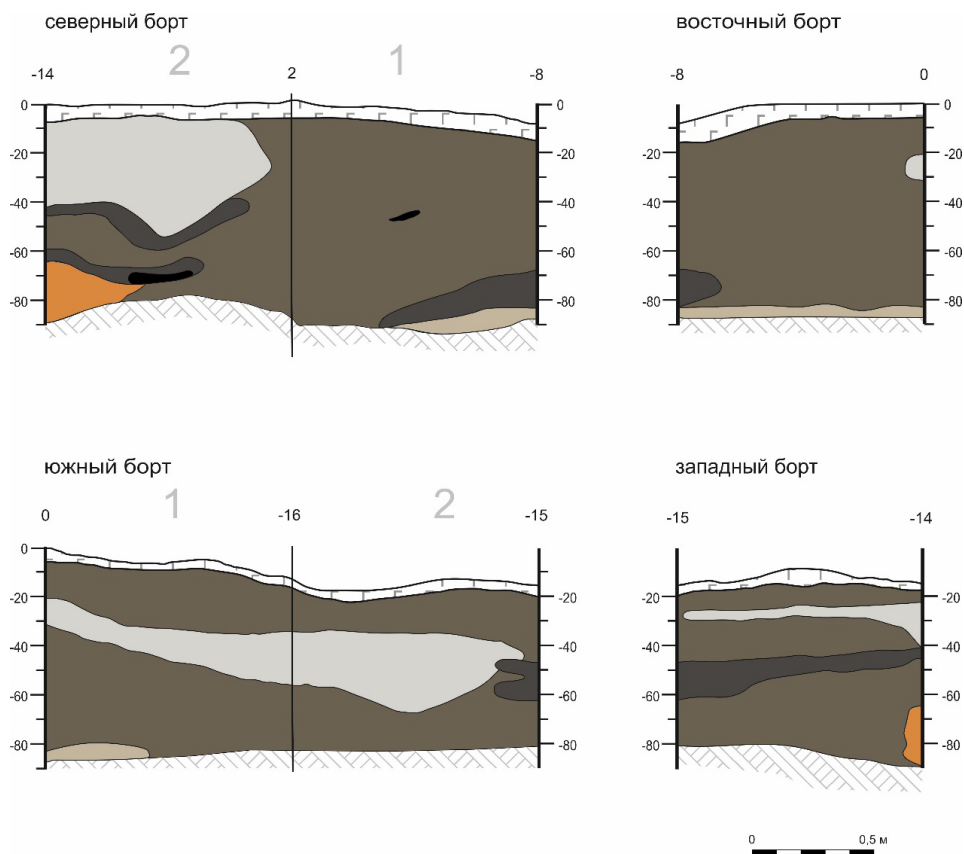

Рис. 18. Городище Аракчино-1. План шурфа № 1:

а — серо-коричневая супесь; б — светло-серая супесь; в — темно-серая супесь;
г — черная углистая супесь; д — рыжий прокал; е — серый золистый слой

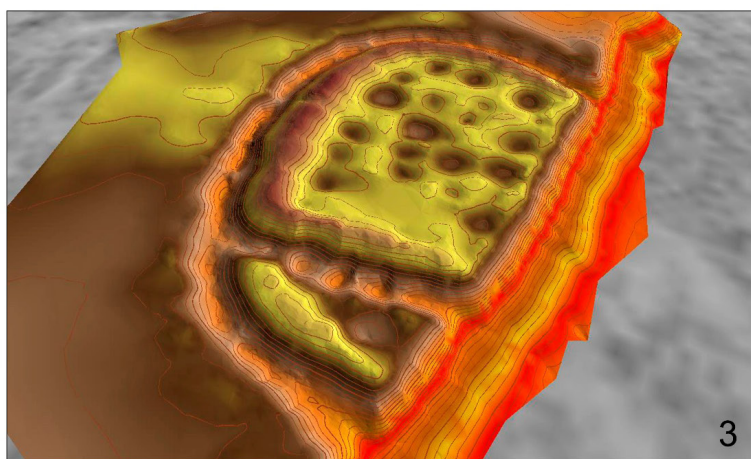
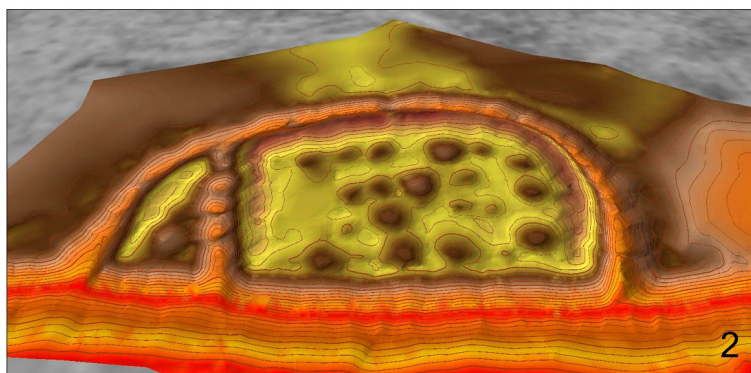
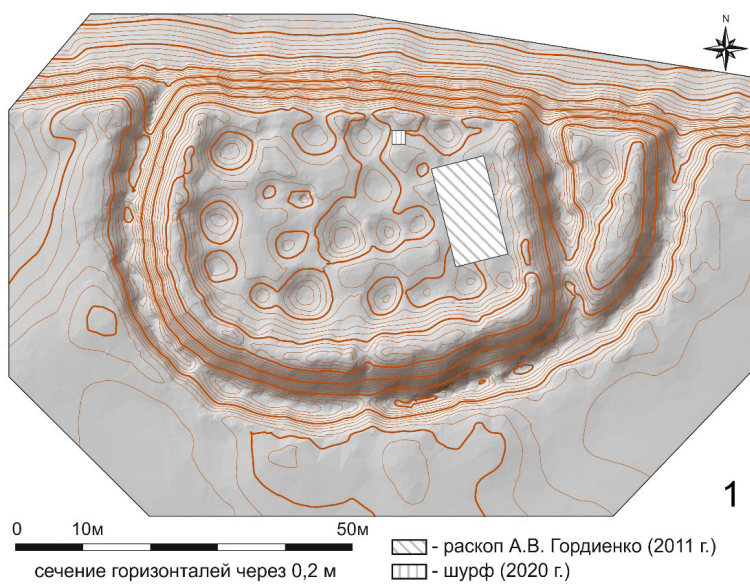

Рис. 19. Городище Пламя Сибири-6:
1 — инструментальный план памятника; 2 — 3D-модель памятника, вид с севера;
3 — 3D-модель памятника, вид с северо-востока

На плане до уровня -40 см основным слоем был серый с углем. Находки здесь представлены фрагментами керамики юдинской культуры (рис. 20, 5, 9, 11, 18). На уровне $-70...-75$ см на фоне слоя серо-коричневой супеси появилось прямоугольное пятно бурого прокала размерами $1,35 \times 0,55$ м. В южной части прокал был перекрыт подквадратным пятном темно-серой супеси, а в северо-восточной части прорезан прямоугольной ямой 1 с темно-серым заполнением. В нем были четыре крупных фрагмента шлака (см. рис. 20, 2), три из них имели полусферическую форму (см. рис. 20, 1). Видимо, это углубленная часть сыродутного горна со шлаконакопителем. Рядом с ямой 1 были прослежены остатки деревянной конструкции в виде обугленных досок. Проба из нее дала значение 1070 ± 60 л. н. (СОАН-10007). Вдоль восточного и южного бортов прослежены участки погребенной почвы. В западной части шурфа отмечены контуры нескольких столбовых ям (3–5, 10, 11) округлой формы с серым заполнением. Размеры их — от $7,5 \times 8$ до 25×30 см. Находки представлены в основном юдинскими черепками (см. рис. 21, 2, 6–8, 10, 12–17), а также немногочисленными фрагментами сосудов кинтусовского этапа нижнеобской культуры (рис. 21, 19, 20).

На материке отмечена серия столбовых ям. Ямы 4, 7–9 диаметром от 14 до 19 см, глубиной 13–20 см образуют линию С–Ю. Вторая линия ям вытянута по линии 3–В и включает объекты № 3, 5–7, диаметры их — от 25 до 30 см, глубина — 20 см. Еще несколько ям (11–16), но меньших размеров, сконцентрированы в северо-восточном углу шурфа, возле ямы 1. Находки здесь — посуда юдинской культуры (см. рис. 21, 3, 4, 13).

ОБСУЖДЕНИЕ

Самыми юго-западными объектами в рассматриваемой выборке являются городища Юдинское и Боровиковское I на р. Нице, правом притоке р. Туры. Исходя из морфологии и конфигурации Боровиковского I городища, а также характера фортификационных сооружений, данный комплекс находит аналогии среди укрепленных поселений Зауралья конца I — первой половины II тыс. н. э., в частности Барсучьего и Криволукского [Матвеева, Рафикова, 2005; Матвеева, Зайцева, 2004]. Керамика делится на две группы. Первая — слабопрофилированные сосуды с плоским венчиком с несколькими горизонтальными парными рядами оттисков витого шнура и парными шнуровыми «подковками» по плечу. Это посуда макушинского типа, датированная XII–XIV вв. [Викторова, 1964, с. 249]. Вторая группа представлена слабопрофилированными горшками и открытыми чашами с несколькими горизонтальными рядами оттисков витого шнура и наклонными оттисками гребенки по венчику и плечу; присутствуют округлые или квадратные ямки; елочка или горизонтальный зигзаг по плечу. Данная посуда имеет широкие аналогии в материалах памятников юдинской культуры, в частности, зафик-

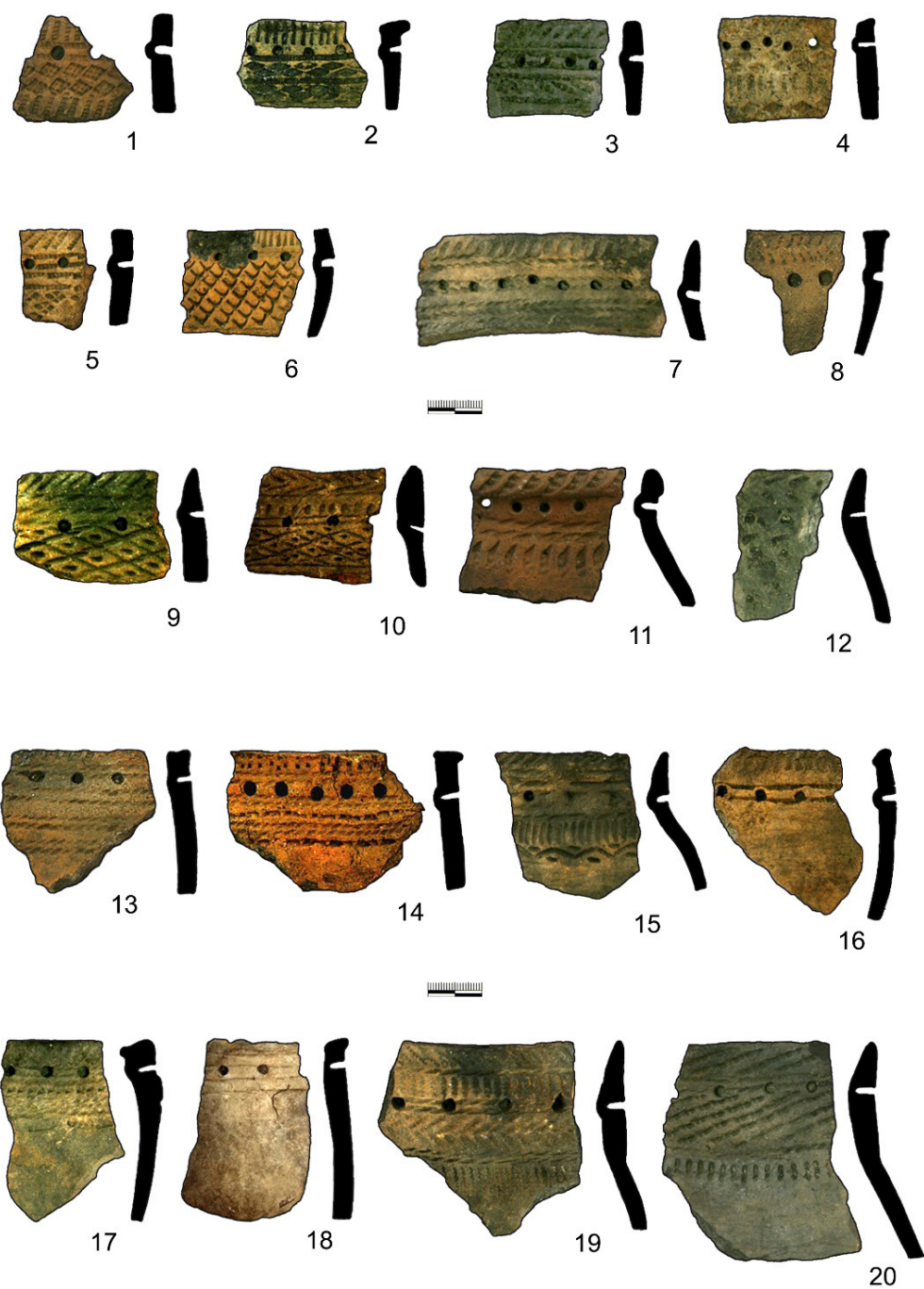

Рис. 21. Городище Пламя Сибири-6.
Находки керамической посуды из шурфа № 1

сирована на городищах Барсучье [Матвеева, Зайцева, 2004, с. 58], Святой Бор V [Матвеева, Бахарева, 2004, с. 175], Красногорское [Матвеева, 1997, с. 248–253], Папское [Хронологические комплексы..., 2020, с. 42] и др. Стоит отметить, что юдинские слои рассматриваемых памятников на основании относительной и абсолютной хронологии датируются периодом не ранее XI в.

Соотношение керамики по глубинам показало, что посуда макушинского типа залегала значительно выше слоев с юдинскими черепками. Такая же ситуация прослежена на эпонимном памятнике — Юдинском городище, где юдинский (см. рис. 3) горизонт предшествует макушинскому (рис. 4) [Викторова, Кернер, 1988, с. 138]. Кроме того, совместно с посудой макушинского типа были обнаружены фрагменты литого чугунного котла. Такие изделия производились в городских центрах Средней Азии и часто встречались на территории Золотой Орды [Рязанов, 2008, с. 165–167; Постикэ, Бакуменко-Пырнэу, 2020, с. 194]. По классификации К. А. Руденко, это тип Ч-7 [Руденко, 2000, с. 40] XIV в. На это же время указывает абсолютная дата 560 ± 30 л. н. (СОАН-10005) (см. рис. 11, 19; табл. 1) образца древесины из верхних горизонтов, где была обнаружена посуда макушинского типа и фрагменты котла. При калибровке в 68,3% получен диапазон 1326–1415 гг., что соответствует типологической датировке чугунного котла. Вторая дата — 1900 ± 85 л. н. (СОАН-10060) (см. рис. 11, 19; табл. 1) — была получена по древесине от сооружения вокруг металлургического горна. Однако при калибровке в 68,3% получен диапазон 26–235 гг., что не соответствует датировке посуды юдинского типа, зафиксированной в едином контексте с остатками деревянных конструкций (см. рис. 22). Не исключаем того, что образец пробы был сильно загрязнен, так как материалов раннего железного века на памятнике зафиксировано не было. Предполагаем, что юдинский горизонт датируется здесь диапазоном XI–XIII вв. Подтверждением служит *обломок клинка сабли* (см. рис. 7, 4) из раскопок А. В. Гордиенко. А. П. Зыков отмечает, что короткие слабоизогнутые сабли появляются на севере Западной Сибири не ранее IX в. из тюркской среды [Зыков, 2008, с. 135], тем не менее, исходя из толщины и ширины рассматриваемого клинка, можно предположить, что сабля имела большую длину (до 0,8 м) и изгиб, что характерно для сабель XI–XIII вв. [Кирпичников, 1966, с. 66]. *Медный сосуд цилиндрической формы с плоским дном*, разобранный на части (см. рис. 7, 9–12), несколько медных ушек для подвешивания, а также фрагменты стенок со следами фальцовки, сварки и заклепок (см. рис. 7, 6–8), *фрагмент стенки чугунного котла* (см. рис. 7, 5) — это составляющие части медных болгарских котлов, по классификации К. А. Руденко, типов М-4 и М-7 [Руденко, 2000, с. 30–34], время появления которых в центрах Поволжско-Камского региона и за его пределами приходится на XI в. и захватывает XII–XIII вв. [Там же, с. 59]. Несколько позже, со второй половины XIII — XIV в., в обиходе у населения Притоболья появляются цельнолитые чугунные котлы полусферической формы. Встречена *керамическая ковшевидная льячка* с носиком для слива (см. рис. 7, 13). Время появления в Притоболье данного типа литейного инструмента также приходится на XI в.

Полагаем, что на Боровиковском I прослежено два периода функционирования. Первый связан с существованием городища в рамках юдинской культуры (XI–XIII вв.), однако вопрос нижней хронологической границы памятника остается открытым. Второй соотносится со временем XIII–XIV вв., когда данный поселок был занят носителями макушинской традиции.

Таблица 1

Серия радиоуглеродных дат памятников бассейна р. Туры

Памятник	№	Код	Материал	¹⁴ С л. н.	Калиброванное значение	
					1σ (68,3%)	2σ (94,5%)
Боровиковское I городище	1	СОАН-10005	древесина	560±30	1326–1415	1312–1428
	2	СОАН-10060	древесина	1900±85	26–235	56–350
Андроновское I городище	1	СОАН-10061	уголь	1320±65	652–773	605–877
Липчинское I городище	1	СОАН-10004	древесина	820±40	1181–1269	1162–1277
Городище Пламя Сибири-6	1	СОАН-10003	уголь	1320±50	652–773	605–877
	2	СОАН-10006	уголь	1940±65	13–203	89–240
	3	СОАН-10007	уголь	1070±60	894–1026	774–1151

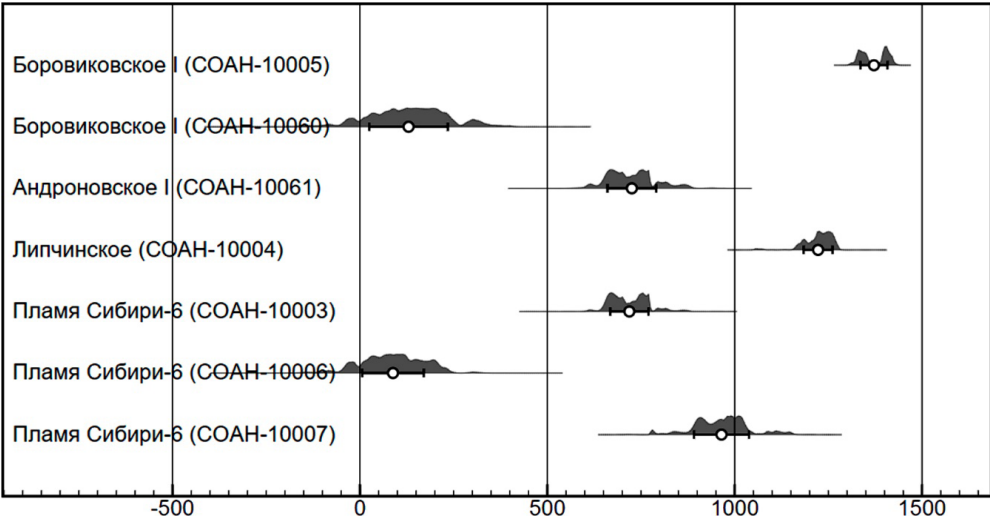

Рис. 22. График калиброванных дат памятников бассейна р. Туры

Юдинское городище, как и Боровиковское I, по форме площадки может быть датировано концом I — первой половиной II тыс. н. э. по аналогии с другими укрепленными поселениями, а именно Дуванским I [Морозов, 1982], Янычково [Морозов, Панина, 1997] и др. Стратиграфически на памятнике В. Д. Викторовой было выделено три горизонта. Два из них связаны

с функционированием поселения в юдинское время (см. рис. 3), а еще один соотносится с макушинским материалом (см. рис. 4). Датировка горизонтов произведена нами на основании типологии артефактов, в частности из юдинского жилища 6 происходят находки *бронзовой височной трехлопастной подвески*, датированной IX–XI вв., *бронзовой трубчатой пронизи* с гладкими округлыми вздутиями, датированной IX–XI вв., *фрагмента железного двулезвийного кресала* удлинненно-овальной формы, бытовавшего в XII–XIII вв. По нашему мнению, существование юдинских жилищ 4, 6 и 7, а также фортификации укладываются в XI–XII вв. Последний горизонт соотносится с материалами макушинского типа, что подтверждается перестройкой линий укреплений [Викторова, Кернер, 1988, с. 137–138]. Судя по всему, в начале XIII в. городище было занято носителями макушинской традиции, вероятно, проживавшими кратковременно. Отметим, что керамика Юдинского городища практически идентична комплексу Боровиковского I, что может быть косвенным подтверждением синхронности двух этих поселений. Детализировать хронологию Юдинского городища помогут дальнейшие исследования с привлечением методов абсолютного датирования.

Основная масса памятников находится в среднем и нижнем течениях р. Туры, самый западный из них — Андроновское I. Исходя из конфигурации городища и характера фортификации, сравниваем его с поселениями Зауралья конца I — первой половины II тыс. н. э. Барсучьим и Криволукским [Матвеева, Рафикова, 2005; Матвеева, Зайцева, 2004]. Его керамический комплекс аналогичен таковому с Барсучьего [Матвеева, Зайцева, 2004, с. 58, рис. 4, 9, 11], Черепанихи-2 [Чикунова, Якимов, 2012, рис. 2] и святилища Песьянка-1 [Рафикова, 2015, с. 64, рис. 1, 2] и др. Дата 1320 ± 65 л. н. (СОАН-10061) (см. рис. 11, 19) древесины из канавы с нижних горизонтов шурфа при калибровке в 68,3% дала диапазон 652–773 гг., а при калибровке в 95,4% — диапазон 605–877 гг. (см. рис. 22; табл. 1). Этот же диапазон косвенно подтверждается находкой *керамического тигля рюмковидной формы* для плавки цветных металлов (см. рис. 11, 12). Данный тип технических сосудов был наиболее популярным начиная с IV–VI вв., бытует до начала II тыс. н. э. [Могильников, 1987, табл. LXXVII, 51; Сургутское Приобье... , 1991, с. 133]. Аналогичные тигли часто встречаются в комплексах раннеюдинских — IX–XI вв. (городища Черепаниха-2, Пламя Сибири-7, Коняшино-2, Жилье), а в XI в. на смену рюмковидным тиглям приходят стакановидные тигли. Судя по всему, Андроновское-1 относится к серии памятников IX–XI вв. юдинской культуры, однако начало строительства памятника, вероятно, приходится на VIII в. н. э.

Городище Красный Яр можно сравнить также с Барсучьим [Матвеева, Зайцева, 2004], Криволукским [Матвеева, Рафикова, 2005], Ипкуль XIII [Сыркина, 1987] и др., датированными в рамках IX–XIII вв. Наиболее узкодатируемым предметом, происходящим из раскопок А. В. Гордиенко, является *железная гарда ромбической формы* в продольном и поперечном сечениях

(см. рис. 13, 22). Наиболее близкие аналогии данное перекрестие находит в комплексах тюрок IX–XI вв. [Плотников, 1981, с. 166]. По типологии А. В. Данича, по материалам Пермского Предуралья эти перекрестия относятся к типу 2 подтипу А, датируемым IX–X вв. [Данич, 2009, с. 41], видимо, к этому же времени относится *железный нож* с уступом при переходе от черешка к клинку (см. рис. 13, 21).

Вещевой комплекс могильника Туринская Слобода близ городища Красный Яр имеет узкодатируемые предметы, например *серебряную бочковидную бусину* с зернью и сканью от височного украшения (см. рис. 13, 1), *серебряное височное кольцо* с напускной неподвижной поллой бусиной яйцевидной формы (см. рис. 13, 2). Они являются импортом или копиями с болгарских украшений XI–XIII вв. [Руденко, 2015, с. 148]. *Бронзовая подкововидная застежка-сюльгама* (см. рис. 13, 6) относится к XI–XIII вв. [Руденко, 2007, с. 54–55]. *Железные брусковидные навершия* плети (?) с загнутым книзу концом (см. рис. 13, 12) часто встречаются в воинских захоронениях Западной Сибири, в Волжской Булгарии датируются XII–XIII вв. [Руденко, 2015, рис. 14, 9, 10]. Фрагмент *кольчужного полотна* (см. рис. 13, 23) отражает развитие кольчужного доспеха. За Уралом он связан с Восточной Европой, там пик ее популярности приходится на XI–XIII вв. [Кирпичников, 1971, с. 9–11]. *Короткая сабля* со слабым изгибом (см. рис. 13, 20) характерна для памятников кимаков рубежа I–II тыс. н. э. Верхнего Прииртышья и Алтая [Плотников, 1981, с. 165–166].

Датировка комплекса Липчинского I предложена по одной деревянной конструкции из основания вала. Дата 820 ± 40 л. н. (СОАН-10004) (см. рис. 11, 19) при калибровке в 68,3% дала диапазон 1181–1269 гг., а при калибровке в 95,4% — диапазон 1162–1277 гг., что предварительно позволяет датировать городище концом XII — первой половиной XIII в. (см. рис. 22).

Городище Аракчино-1 может быть датировано концом I — первой половиной II тыс. н. э. по аналогии со Святым Бором-5 [Матвеева, Бахарева, 2004] и др. Материалы его не содержат узкодатируемых предметов, поэтому на основании керамической посуды определяем широкие рамки — IX–XIII вв.

Городище Пламя Сибири-6 относим к концу I — первой половине II тыс. н. э. Вопросу его хронологии нами посвящены сюжеты [Третьяков, 2022, с. 142; Западная Сибирь..., 2022, с. 144–145], в основе которых лежит детальная хронологизация предметов из раскопок А. В. Гордиенко. Нами сделано заключение, что объект датируется в рамках IX–XI/XII вв. Образцы угля дали приближенные к типологическим датировки. Дата 1070 ± 60 л. н. (СОАН-10007) (см. рис. 11, 19) имеет значение при калибровке в 68,3% 894–1026 гг., а при калибровке в 95,4% — диапазон 774–1151 гг. Две другие даты — 1320 ± 50 л. н. (СОАН-10003) (см. рис. 11, 19), 1940 ± 65 л. н. (СОАН-10006) (см. рис. 11, 19) — дали существенно более ранние интервалы, хотя находились выше образца пробы СОАН-10007. СОАН-10003 — 68,3% —

652–773 гг.; 95,4% — 605–877 гг.; СОАН-10006 — 68,3% — 13–203 гг.; 95,4% — 89–240 гг. (см. рис. 22; табл. 1). Керамика имеет широкие аналогии в юдинских материалах, в частности на городище IX–XI вв. Черепаниха-2 [Чикунова, Якимов, 2012, рис. 2] и могильнике Вак-Кур (конец IX — первая половина XI в.) [Турова, 2020, рис. 4, 5]. Исходя из этого, его следует отнести к IX–XI вв., не исключая, что обитатели появились еще в VIII в. н. э. или использовали старую древесину в качестве строительного материала.

Как видим, хронологические рамки комплексов значительно отличаются друг от друга. Наиболее ранней группой памятников являются городища Пламя Сибири-6 и Андроновское I в рамках IX–XI вв. Возможно, к этому же диапазону относятся ранние комплексы городища Красный Яр, но малое количество инвентаря усложняет задачу уверенной датировки поселения. Ориентируясь на хронологию вещей (XI–XIII вв.) могильника Туринская Слобода, рассматриваем их как синхронные. В группу XI — первой половины XIII в. включаем Липчинское I, а также нижние горизонты городищ Боровиковское I и Юдинское. Два последних поселения функционировали и позднее, в рамках второй половины XIII–XIV вв., когда площадки эксплуатировались макушинским населением.

Городище Аракчино-1 ввиду малого числа находок и отсутствия радиоуглеродных датировок рассматривается в рамках существования юдинской культуры и требует детальной хронологизации.

Появление в лесной зоне Притоболья малых городков не ранее конца I тыс. н. э. достоверно подтверждено раскопками однослойных поселений, а также абсолютными датами. Поскольку поселений с похожей конфигурацией в Притоболье в I тыс. н. э. не обнаружено, полагаем, что традиция укреплений малой площади была привнесена извне. До этого, в бакальское время, в Притоболье были распространены мысовидные городища площадью свыше 5000 кв. м, имеющие от одной до трех линий обороны, режущих мыс поперек. Наиболее близкие аналогии юдинским городищам мы наблюдаем в материалах Нижнего Приобья. Именно на севере Западной Сибири с эпохи раннего железного века укореняется традиция строительства укрепленных поселений площадью до 2500 кв. м с замкнутой подпрямоугольной системой, не подчиненной рельефу, и развивается в Средневековье. Считаем, что данный тип поселений появился в Притоболье в результате миграций нижнеобского населения, ставшего одним из основных компонентов в сложении юдинской культуры.

Бассейн р. Туры являлся первоначальной южной границей расселения юдинских коллективов. Именно там были зафиксированы наиболее ранние поселенческие комплексы IX–XI вв., а начиная с XI в. ареал распространения юдинских памятников расширяется на юг — в лесостепь, бассейн р. Туры стал ядром юдинской культуры. Местные памятники продолжали функционировать до конца XIV в., возможно, и до начала XV в.

Начало строительства в конце I — начале II тыс. н. э. в Притоболье малых хорошо укрепленных крепостей, вероятно, было связано с нарастанием локальных конфликтов внутри юдинского общества, о чем говорят разнообразные типы вооружения, обнаруженные на городищах. Думается, что крепости служили местом проживания воинского контингента. В фольклоре коренного населения Западной Сибири нередко описываются междоусобицы, вооруженные столкновения и схватки немногочисленных отрядов, осада и штурм городков [Гемуев, Сагалаев, Соловьев, 1989, с. 58–60]. Кроме того, следы в культурных слоях большинства изученных поселений металлопроизводства, представленных горнами и плавильными ямами, шлаками и техническим инвентарем, позволяют нам предполагать, что на городищах также были сконцентрированы производственные и ремесленные центры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование укрепленных поселений лесной зоны Зауралья (в бассейне р. Туры) позволило сделать вывод о сложении новой культурной традиции в данном регионе в конце VIII — начале IX в. в результате миграции нижнеобского населения на юг. С продвижением таежных групп в лесную зону Притоболья распространились укрепленные поселения небольшой площади. Морфология и характер оборонительных сооружений позволяют говорить о том, что данная традиция привнесена извне, поскольку городища юдинской культуры значительно отличаются от предшествующих раннесредневековых укреплений. Характер и мощность культурных напластований этих поселений позволили сделать вывод об их длительном существовании с IX по XIV в., возможно, до начала XV в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные материалы

1. Гордиенко, А. В. Отчет о научно-исследовательской работе : археологические раскопки объекта археологического наследия «городище Андреевское 4» в Тюменском районе Тюменской области в 2014 г. / А. В. Гордиенко // Архив научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Тюменского государственного университета Тюменского государственного университета. — Тюмень, 2015. — Р-1. — № 333.
2. Данилевич, С. Б. Отчет об археологической разведке, проделанной в нижнем течении р. Туры от деревни Липчинское до г. Тюмени в 1963 г. / С. Б. Данилевич // Архив Института археологии Российской академии наук. — 1963. — Р-1. — № 4211.
3. Зеленков, А. С. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологическая разведка в Тюменском районе Тюменской области в 2020 году в соответствии с открытым листом № 1306-2020» / А. С. Зеленков //

Архив научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Тюменского государственного университета Тюменского государственного университета. — Тюмень, 2023. — Р-1. — № 480.

4. Пилькина, А. А. Отчет о научно-исследовательской работе «Проведение археологической разведки на территории Слободо-Туринского района Свердловской области в 2021 г.» / А. А. Пилькина. — Тюмень, 2022.
5. Скочина, С. Н. Отчет об археологической разведке в Ярковском и Нижнетавдинском районах Тюменской области в 2001 г. / С. Н. Скочина. — Тюмень, 2002.

Литература

1. Викторова, В. Д. Курганы у с. Макушино на р. Нице / В. Д. Викторова // Археология и этнография Башкирии. — Уфа : Башкнигоиздат, 1964. — Т. 2. — С. 247–250.
2. Викторова, В. Д. Могильник и поселение у д. Мыс на р. Нице / В. Д. Викторова // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1962. — Вып. 4. — С. 135–153.
3. Викторова, В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Д. Викторова. — Свердловск, 1969. — 20 с.
4. Викторова, В. Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н. э. / В. Д. Викторова // Ученые записки Пермского государственного университета. — 1968. — № 191. — С. 240–256.
5. Викторова, В. Д. Памятники эпохи железа у озера Осинового / В. Д. Викторова, В. Ф. Кернер // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск, 1988. — С. 129–141.
6. Гемуев, И. Н. Легенды и были таежного края / И. Н. Гемуев, А. М. Сагаляев, А. И. Соловьев. — Новосибирск : Наука, 1989. — 175 с.
7. Гордиенко, А. В. Молчановско-андрюшинская культура лесного Зауралья / А. В. Гордиенко // Вестник Томского государственного университета. История. — 2013а. — № 2 (22). — С. 31–36.
8. Гордиенко, А. В. Результаты раскопок городища «Дуванское 28» / А. В. Гордиенко, Л. В. Иванова // Вестник угроведения. — 2016. — № 1 (24). — С. 96–106.
9. Гордиенко, А. В. Святилище «Пламя Сибири» / А. В. Гордиенко // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2013б. — № 2 (54). — С. 120–125.
10. Гордиенко, А. В. Средневековое Батырское городище Боровиково / А. В. Гордиенко // Вестник Томского государственного университета. — 2019а. — № 440. — С. 106–116.
11. Гордиенко, А. В. Средневековые Западной Сибири и Европы / А. В. Гордиенко. — Москва : КноРус, 2019б. — 222 с.
12. Гордиенко, А. В. Среднее Зауралье в эпоху раннего Средневековья / А. В. Гордиенко. — Тюмень : Тюменский государственный институт культуры, 2016. — 230 с.

13. Гордиенко, А. В. Керамический комплекс эпохи Средневековья из раскопок городища Красный Яр / А. В. Гордиенко, И. Н. Приходько // Уральский исторический вестник. — 2017. — № 4 (57). — С. 130–135.
14. Гордиенко, А. В. Средневековые украшения Зауралья / А. В. Гордиенко, З. Л. Черниева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 11 (85). — С. 36–42.
15. Данич, А. В. Сабли на территории Пермского Предуралья / А. В. Данич // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. — 2009. — Вып. VI. — С. 38–49.
16. Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья : взаимодействие этнокультурных общностей / Н. П. Матвеева, А. П. Зыков, А. С. Зеленков [и др.]. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2022. — 260 с.
17. Зыков, А. П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках : дис. ... канд. ист. наук / А. П. Зыков. — Москва, 2008. — Т. I. — 240 с.
18. Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1 : Мечи и сабли IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Археология СССР. Свод археологических источников. — Москва ; Ленинград : Наука, 1966. — Вып. Е1-36. — 180 с.
19. Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3 : Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Археология СССР. Свод археологических источников. — Ленинград : Наука, 1971. — Вып. Е1-36. — 148 с.
20. Матвеева, Н. П. Новые средневековые памятники из северной лесостепи Притоболья / Н. П. Матвеева // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. — Томск, 1997. — С. 245–263.
21. Матвеева, Н. П. Средневековое городище Святой Бор-5 в лесном Зауралье / Н. П. Матвеева, Т. Н. Бахарева // Четвертые Берсовские чтения. — Екатеринбург, 2004. — С. 174–184.
22. Матвеева, Н. П. Исследование средневекового городища Барсучье в лесном Зауралье / Н. П. Матвеева, Е. А. Зайцева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2004. — № 5. — С. 51–63.
23. Матвеева, Н. П. Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) / Н. П. Матвеева, Т. Н. Рафикова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2005. — № 6. — С. 105–116.
24. Могильников, В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири / В. А. Могильников // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / отв. ред. В. В. Седов. — Москва : Наука, 1987. — С. 163–235. — (Серия «Археология СССР»).
25. Морозов, В. М. Средневековые поселения и жилища на р. Дуван / В. М. Морозов // Вопросы археологии Урала. — 1982. — Вып. 16. — С. 125–141.
26. Морозов, В. М. Городище Янычково. (Предварительные результаты исследования) / В. М. Морозов, С. Н. Панина // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — 1997. — Вып. 1. — С. 76–90.

27. Плотников, Ю. А. Рубящее оружие прииртышских кимаков / Ю. А. Плотников // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 162–167.
28. Постикэ, Г. И. Чугунные котлы Шехр Ал-Джедида (Орхейул Веке — Старый Орхей, Республика Молдова) / Г. И. Постикэ, Л. В. Бакуменко-Пырнэу // Поволжская археология. — 2020. — № 2 (32). — С. 181–199.
29. Рафикова, Т. Н. Керамический комплекс костища Песьянка-1 (к проблеме хронологии и периодизации юдинской культуры) / Т. Н. Рафикова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2015. — № 3 (30). — С. 61–71.
30. Руденко, К. А. Волжская Булгария в XI — начале XIII в. : поселения и материальная культура / К. А. Руденко. — Казань : Школа, 2007. — 244 с.
31. Руденко, К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. / К. А. Руденко. — Казань : Репер, 2000. — 158 с.
32. Руденко, К. А. Хронология болгарских селищ конца X — XIII в. в Западном Закамье (по материалам исследований 1992–2011 гг.) / К. А. Руденко // Города и веси средневековой Руси : археология, история, культура : к 60-летию Николая Андреевича Макарова / отв. ред. П. Г. Гайдуков. — Москва ; Вологда : Древности Севера, 2015. — С. 135–154.
33. Рязанов, С. В. Чугунолитейное ремесло в Золотой Орде / С. В. Рязанов // Известия Алтайского государственного университета. — 2008. — № 4–2 (60). — С. 159–168.
34. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья / Н. В. Федорова, А. П. Зыков, В. М. Морозов, Л. М. Терехова // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 1991. — С. 126–145.
35. Сыркина, И. А. Ипкуль XIII — памятник эпохи неолита, раннего железного века / И. А. Сыркина // Археологические открытия 1985 года. — Москва, 1987. — С. 285–286.
36. Третьяков, Е. А. Хронологические комплексы средневековых памятников Западной Сибири / Е. А. Третьяков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2022. — № 1 (56). — С. 134–147.
37. Турова, Н. П. Керамика могильника юдинской культуры Вак-Кур (по материалам раскопов № 3–6) / Н. П. Турова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2020. — № 2 (49). — С. 83–97.
38. Хронологические комплексы раннего железного века и Средневековья в Зауралье (по материалам Папского городища) / Н. П. Матвеева, А. С. Зеленков, Е. А. Третьяков, И. Ю. Овчинников // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». — 2020. — Т. 19, вып. 3 : Археология и этнография. — С. 31–48.
39. Чикунова, И. Ю. Городище Черепаниха 2 : к вопросу об определении статуса / И. Ю. Чикунова, А. С. Якимов // Уральский исторический вестник. — 2012. — № 4 (37). — С. 31–41.